

А. М. Савинков

**ПОЛОЖЕНИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА РАБОЧИХ
НА ЧАСТНЫХ ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛАХ УРАЛА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Научный руководитель — ст. преподаватель С. И. Сметанин

**Формирование рабочей силы на частных золотых
промыслах Урала**

В течение всей второй половины XVIII века Урал по существу был единственным местом в России, где добывалось золото. Свое ведущее место он сохранял и на протяжении почти всей первой половины XIX века, даже после того, как в 1792 году богатые россыпи были открыты в Сибири. Лишь в 1841 году Сибирь по добыче золота обогнала Урал¹.

В первой половине XIX века большое количество золотых приисков было открыто на землях, принадлежавших частным лицам на владельческом или посессионном праве. Владельцы этих земель, получив по указу 1812 года право производить добычу золота, предпринимали энергичные меры к его поискам. В начале двенадцатых годов XIX века собственные золотые прииски имелись у Верх-Исетских — корнета Яковлева, Нижне-Тагильских — Демидова, Билимбаевских — графини Строгановой, Невьянских, Верхне-Уфалейских, Ревдинских и ряда других частных заводов Урала. Уже через четырнадцать лет после

¹ См. Таблицу общей добычи золота в России, «Горный журнал», № 7, 1861 г.

открытия в 1823 году на землях Демидовых первой россыпи два брата, Павел и Анатолий Демидовы, имели 73 золотых и 13 платиновых приисков¹. В целом по Уралу, начиная с 1822 года, большая часть золота начинает поступать с частных промыслов².

В 1832 году, когда общая добыча золота на Урале достигла наивысшей точки — 364 пуда, частные заводы дали 200 пудов. Несколько ранее, в 1830 году, на частных уральских промыслах золота было получено 204 пуда, а на казенных — 150 пудов. Общая добыча золота в России в 1830 году составляла 360 пудов, а в 1860 году она уже достигла 1457 пудов, т. е. увеличилась приблизительно в 4 раза³.

Такой быстрый рост добычи золота в России был связан с разложением феодально-крепостнического хозяйства страны.

Крепостное право превратилось к этому времени в тормоз роста производительных сил. Экономическое положение России с каждым годом ухудшалось, правительство переживало все большие финансовые затруднения. В начале XIX века сумма государственного долга равнялась почти четырем годовым бюджетам, а перед реформой 1861 года государственный долг превышал ежегодный бюджет России уже приблизительно в 8 раз⁴.

Чтобы несколько смягчить создавшееся положение, прибегают к усиленной разработке золота. «Усилить разведку золотоносных песков для открытия выгоднейших из них к обработке и добыче золота дешевою ценою, дабы общие расходы по управлению заводов могли разделиться на большее количество металла и тем самым уменьшить его цену»⁵, — предлагали при осмотре горных уральских заводов чиновники Ковальню и Шленев.

Правительство, форсируя развитие золотой промышленности, отменило для этого монополию казны на добычу золота. Кроме того, в 1824 году оно разрешило частным

¹ Б. Федорова, Крепостной Тагил, Свердловск, 1940 г., стр. 52.

² См. Таблицу общей добычи золота в России, «Горный журнал», № 7, 1861 г.

³ Там же.

⁴ П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX веках, Москва, 1950 г., стр. 61.

⁵ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем ЦГИАЛ), ф. 37, оп. 2, д. 27, л. 123.

лицам переводить на золотые промыслы крепостных работников из различных районов страны.

Частные горные промыслы и заводы Урала состояли в то время, как известно, на праве посессионной или же владельческой собственности.

К частным горным промыслам и заводам, состоявшим на посессионном праве, принадлежали те, которые имели пособие от казны в людях, землях, лесах, или же те, хозяева которых владели заводом и крепостными при нем, не имея права дворянства¹. При таких частных горных промыслах рабочая сила состояла из: а) казенных мастеровых и рабочих, навечно отданных к заводам, б) непрременных работников, в) заводских крепостных и г) вольнонаемных².

К владельческим промыслам и заводам относились все те, «которые учреждены и производятся без всякого от казны пособия частным людям, на землях, принадлежащих им в полную собственность»³. Для работы на владельческих промыслах и заводах использовались крепостные крестьяне заводчика и вольнонаемные⁴.

Откуда брались эти рабочие на золотых промыслах?

Во-первых, значительное количество мастеровых переводилось частными владельцами на золотые промыслы из принадлежавших им горных заводов и рудников, в связи с тем, что заниматься золотопромышленностью оказывалось выгодней. Например, на Всеволодоблагodatских золотых промыслах князей Всеволожских работали мастеровые, переведенные с Пожевского, Александровского, Елизавето-Пожевского, Всеволодо-Вильвенского заводов и Кизеловского рудника⁵.

В одних случаях мастеровые переселялись на постоянное жительство при золотых промыслах, в других случаях их использовали в качестве временной рабочей силы.

Владельцами Уральских горных заводов и золотых приисков, как правило, были крупнейшие помещики-крепостники. Поэтому вторым источником рабочей силы служили крепостные крестьяне из владельческих вотчин.

¹ Свод учреждений и уставов горных, ст. 5, стр. 2 из «Свода законов Российской империи», т. 7, изд. 1857 г.

² Там же, ст. 445, стр. 78.

³ Там же, ст. 6, стр. 2.

⁴ Там же, ст. 553.

⁵ Серовский филиал Свердловского областного государственного архива (в дальнейшем СОГА), ф. 12, оп. 3, д. 20, лл. 42—43.

Эти вотчины были не только в Пермской, а и в других губерниях России. Так, имения Всеволожских, помимо Пермской губернии, находились еще на Кавказе, в Санкт-Петербургской, Московской и Астраханской губерниях. В них проживало 35 775 душ крепостных владельческих крестьян¹. В Пермской губернии в имениях Всеволожского насчитывалось 11 721 крепостной².

В одном вотчинном промысловом и горнозаводском имении княгини Бутеро-Родали в Пермской губернии, согласно десятой переписи, насчитывалось крестьян, заводских ремесленников и дворовых служителей обоего пола 42 287 человек³. Таким образом, крепостники—владельцы приисков—располагали большими ресурсами рабочей силы.

В качестве вспомогательной рабочей силы на золотые прииски отправляли на время сельских крестьян, зачастую из деревень, отстоящих иногда от прииска за сотни верст. Например, крестьяне княгини Бутеро-Родали по зимней повинности с 2¼ окладных душ должны были отрабатывать при золотых приисках 83 дня, а вместе с воскресными и праздничными не менее 100 дней⁴.

Стремясь увеличить число рабочих рук, которые постоянно находились бы при золотых приисках, уральские горнозаводчики переводили для работы на них крепостных работников из различных районов России. Закон шел навстречу горнозаводчикам. Пункт пятый «Правил о золотых приисках», изданных в 1824 году, гласил: «Перевод людей к частным горным заводам из других мест запрещен указом 31 июля 1802 года, то хотя нет теперь достаточных причин снять сие запрещение вообще для всех заводов, но если бы некоторые из владельцев оных по особенным местным обстоятельствам имели в том существенную нужду для успеха производства золотого промысла, то не воспрещается им о том просить через министра финансов»⁵.

Крестьяне или переводились из собственных имений владельцев золотых приисков, или покупались ими у других помещиков. Например, в распоряжение Нижне-Та-

¹ Молотовский областной государственный архив (в дальнейшем МОГА), ф. 176, оп. 1, д. 606, л. 232.

² Там же, д. 471, л. 17.

³ Газета «Пермские губернские ведомости», 1860 г., № 38.

⁴ МОГА, ф. 280, оп. 1, д. 554, л. 20.

⁵ «Горный журнал», 1827 г., кн. 1, стр. 6.

гильской конторы Демидовых для приисковых работ направлялись переселенцы из Вятской и Рязанской демидовских вотчин¹. С этой же целью в 1828 году в Нижний Тагил было переведено из Яранского уезда Вятской губернии 855 крестьян, купленных Демидовым у помещицы Марии Дурновой². Для работы на золотых приисках крепостные покупались и переводились купцом Ярцевым³, наследниками купца Расторгуева⁴.

Важным источником рабочей силы на частных золотых промыслах был также труд наемных рабочих. «В вопросе о развитии капитализма, — указывал В. И. Ленин, — едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром»⁵. На добыче золота наемный труд использовался шире, чем в основных процессах производства на горных заводах Урала⁶. Именно в сравнительно широком применении наемного труда на частных золотых промыслах состояло одно из основных условий быстрого развития частной золотопромышленности на Урале. С другой стороны, широкое применение здесь наемного труда объясняется поздним зарождением частной золотопромышленности в России, появлением ее в первой четверти XIX века, когда настойчиво пробивали себе дорогу более прогрессивные, по сравнению с феодальными, капиталистические отношения. Наемный труд на Урале в пятидесятых годах XIX века составлял в горнозаводской промышленности до 20—30 процентов⁷. Некоторые золотые прииски в это время уже полностью перешли на наемный труд, на значительном же числе других он был преобладающим.

Еще в 1844 году, при создании на землях Всеволожских Заозерской золотой компании, предусматривалось, что «всех владельческих рабочих за упразднением золотодобычания за счет владельцев товарищество обязывается принять как вольнонаемных рабочих»⁸. Очень характер-

¹ Б. Федорова, Крепостной Тагил, стр. 69.

² Там же, стр. 89.

³ Там же, стр. 69.

⁴ «Горный журнал», 1827 г., кн. IV, стр. 4.

⁵ В. И. Ленин, Соч., том 3, стр. 509.

⁶ См. статью Ф. С. Горового — О вольнонаемном труде на Урале во второй четверти XIX века, «Вопросы истории», 1953 г., № 3, стр. 80.

⁷ См. указанную статью Горового.

⁸ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1067, л. 73.

ным является то, что первым актом этой компании было избрание комиссионером небогатого помещика Головина, «хотя не бывшего на золотых промыслах, но в течение многих лет обращавшегося с несколькими тысячами вольнонаемных рабочих, в том предположении, что все причины неудач состояли в неумении или нежелании удерживать рабочих на промыслах»¹. Таким образом, правление Заозерской компании отдавало явное предпочтение наемным рабочим и надеялось с помощью их труда наладить добычу золота.

При наборе рабочей силы между комиссионерами-вербовщиками шла конкуренция; каждый из них стремился обогнать других, чтобы быстрее и дешевле нанять рабочих. Это также говорит о больших размерах применения наемного труда. Тот же Головин, отправленный для вербовки рабочей силы в Вятскую губернию, начинает ее сразу же в Орлове и Нолинске, чтобы «предупредить наемкою вновь прибывших комиссионеров от Миасских промыслов и от казенных караванов»².

Помимо комиссионеров, наймом занимались и сами крепостные крестьяне. Дело в том, что отработка повинностей ложилась тяжелым бременем на крестьян, надолго отрывая их от дома и разоряя хозяйства. Поэтому крестьяне (те, конечно, которые были зажиточнее и имели эту возможность) нанимали вместо себя рабочих. В имениях Всеволожских, например, «вольных, большею частью нанимаемых от самих крестьян, за которых они исправляют сельские и даже заводские и промысловые работы, проживает от 4 до 5 тысяч человек»³.

Показательно, что в 1859 году, во время переговоров купца второй гильдии Каменского с доверенным лицом Всеволожского Гиртуновым об аренде принадлежащих Всеволожскому золотых приисков, со стороны Каменского была сделана оговорка, согласно которой он во всякое время имел право уволить крепостных, принадлежавших владельцу, и заменить их вольнонаемными людьми⁴. Еще раньше, в 1857 году, поверенный Всеволожского жаловался в главное управление, что управляющий теми же приисками Клопов не заботится иметь для усиленного произ-

¹ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1067, л. 49.

² Там же, л. 5.

³ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 606, л. 274.

⁴ Там же, д. 1091, л. 232.

водства работ при золотых промыслах «обязанных контрактами вольных людей, которые бы, проживая постоянно и безвыходно на месте работ, дали бы верный случай, при правильном распределении их, с значительным превосходством против настоящего получения золота увеличить выплавку оно»¹.

Каковы же были источники наемного труда?

Основным источником являлись частновладельческие и государственные крестьяне. К пятидесятым годам XIX века увеличилось количество крестьян, отпущенных владельцами на оброк. Чтобы прокормить себя и заплатить помещику деньги, причитающиеся с них по оброку, они шли на работу по вольному найму. Увеличивается в это время также количество государственных крестьян, которые, получив от волостных правлений соответствующие документы, поступали на работу как наемные рабочие.

Вторым источником наемной рабочей силы были уволенные на оброк мастеровые частных заводов и крепостные рабочие казенных заводов, обязывавшиеся поставлять определенное количество заводских материалов за назначенную от казны цену и располагавшие остающимся временем для вольного заработка².

Некоторая часть рабочих набиралась среди жителей городов и пригородных слобод. Комиссионер Головин сообщал, что «несколько орловских мещан и подгородных слобод жителей предлагали свои услуги, но просили необыкновенно высокую цену, выходящую за пределы сметы»³.

Итак, увеличение добычи золота на Урале происходило в основном за счет частной золотопромышленности, которая быстро развивалась после отмены в 1812 году казенной монополии. Наемный труд в этой промышленности играл все большую роль.

Положение мастеровых и крестьян на золотых промыслах Урала

Положение трудящихся масс в первой половине XIX века при господстве феодально-крепостнических отношений было крайне тяжелым. Общая тяжесть этого положе-

¹ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1091, л. 130.

² См. указанную статью Ф. С. Горюхова.

³ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1064, л. 4.

ния усугублялась тем, что частные владельцы и их управляющие творили самый разнузданный произвол. Это вынуждена была признавать даже царская администрация: «По разным делам, доходившим до сведения правительства, жестокие наказания, делаемые рабочим людям управляющими и прикащиками частных людей... в некоторых случаях бесчеловечием простиралось до самого увечья и даже до смертоубийства»¹, — писал главный начальник горных заводов хребта Уральского в циркуляре от 19 января 1828 года.

Условия работы на золотых промыслах были исключительно трудными.

Золотоносный песок добывался вручную, а так как для получения одного пуда золота требовался миллион пудов песка, то на добычу его затрачивалось огромное количество труда. Нередко машины для промывки золота приводились в движение с помощью мускульной силы человека.

Так, на Мостовских промыслах «промывальные устройства действуют людьми... пески спускаются хотя сверху фабрики, но не везде прямо на грохоты или чаши, сначала в ящик... откуда должен перемещать их на грохоты особый работник; грохоты горизонтальные требуют также особого человека для того только, чтобы беспрерывно сталкивать пески с краев их на середину, пески на них растираются или на ручных решетках, или посредством вертлюга (коленчатого вала, вертикально поставленного), приводимого в движение двумя человеками... Вал, на котором укреплены грабли над важгердами, приводится в движение двумя человеками, которые... выполняют работу чрезвычайно трудную»².

На уральских золотых промыслах находили применение и более совершенные машины для промывки золотоносных песков, приводимые в движение от водяного колеса, а иногда даже от паровой машины. Но на промыслах уральских частных заводчиков в 1860 году было только четыре паровых машины³. На нескольких приисках для перевозки песков были построены постоянные или переносные железные дорожки. Однако и при некотором техническом усовершенствовании перевозки и промывки

¹ СОГА, ф. 43, оп. 3, д. 1218, л. 1.

² СОГА, ф. 43, оп. 2, д. 1667, лл. 20, 21.

³ «Горный журнал», № 7, 1861 г., стр. 112.

несков труд на этих работах оставался тяжелым. Сама же добыча песка не была никак механизирована.

«...Сколь ни тягостны работы в горных ее сиеательства заводах, но гораздо более встречаем изнурения и обременения при Крестовоздвиженских золотых промыслах», — жаловались крепостные крестьяне княгини Бутеро-Родали¹.

Большие лишения доставляли крепостным крестьянам — наемным рабочим — длительные переходы на золотые промыслы с места жительства. Работники из Вятской губернии проходили пешком свыше 1400 верст. Тяжесть работ по добыче золота была вынуждена признавать даже заводская администрация. «Золотые промыслы не лакомство для них — одни переходы изнурительны. Каждый, если б мог, скорее согласился работать в кричной фабрике, чем идти за 30, за 40 верст, чтобы копать в грязи и быть подвержену неприятностям нашей непостоянной атмосферы», — доносила контора Нижне-Тагильских заводов в 1835 году².

Наравне со взрослыми мужчинами всем тягостям приисковой работы подвергались женщины и малолетние дети. Как выяснилось во время волнений мастеровых на Березовских золотых промыслах в 1820 году, многих из них стали посылать на работы с семи-восьми лет от роду³.

Считалось, что рабочий день на приисках равнялся 12 часам. Фактически же рабочий день был значительно больше, так как на приисках давались непосильные уроки, которые рабочие не успевали выполнять за 12 часов. На золотых промыслах княгини Бутеро-Родали урок по земляным работам (выемка и откатка земли), как свидетельствует документ, выполнялся «почти сутки и часто повестка колокола на перекличку (утром следующего дня — А. С.) застает их (рабочих-землекопов — А. С.) на работе». В то же время «если запоздал придти по повестке, то жестоко штрафуют»⁴.

Исключительно тяжело было работать зимой. При разработке глубоких россыпей, где почвенная вода, просачиваясь сквозь землю, стекала по стенкам, капала с потолка штолен, а земля на дне забоя превращалась в жидкую

¹ МОГА, ф. 280, оп. 1, д. 554, л. 25.

² См. Б. Федорова, Крепостной Тагил, стр. 69.

³ СОГА, ф. 25, оп. 1, д. 357, л. 37.

⁴ МОГА, ф. 280, оп. 1, д. 554, л. 48.

грязь, насквозь промокший рабочий выходил из шахты на тридцати-сорокаградусный мороз.

Работая в таких каторжных условиях, рабочие получали за свой труд считанные гроши, которых не хватало на самое необходимое. Так, крестьяне из вотчинных селений княгини Бутеро получали в день на ее золотых промыслах по 3½ фунта печеного хлеба и плату 15 копеек взрослому работнику и 10 копеек малолетнему или подростку. Полный работник мог заработать максимум 90 копеек в неделю. Из них 50 копеек шло в магазин для покупки продуктов, 20 копеек нужно было отдать хозяйке за приготовление пищи и 24—27 копеек нужно было отдать за лапти. «Следовательно, положенной оплаты недостаточно уже для сих неперменных потребностей»¹.

В 1848 году на золотых россыпях Всеволожских за-контрактованному по вольному найму работнику за месяц работы уплачивалось 5 рублей, что за одну поденщину (то есть за один рабочий день), считая в месяце 24 рабочих дня, составляло 20,83 копейки. Малолеткам за месяц выплачивалось 3 рубля, то есть 12,5 копейки за одну поденщину. Кроме того, каждому нанятому работнику полагались продукты. Крепостные работники при своем содержании (покупка продуктов за свои деньги) получали за поденщину: работник I класса — 30 копеек, работник II класса — 20 копеек, работник III класса — 15 копеек².

Мы видим, что при общем низком уровне жизни у наемных рабочих заработная плата была все же несколько выше, чем у крепостных. Непосредственно перед реформой 1861 года вольнонаемным взрослым работникам на приисках Всеволожских полагалась плата «от 5 до 6 рублей серебром в месяц, с готовым продовольствием, которое обходилось Управлению от 3 до 4 рублей серебром». Своим владельческим крестьянам плата полагалась поденная: «полным работникам 30 копеек, полуработникам 20 копеек и малолеткам 15 копеек с продовольствием в то число»³.

Таким образом, за 13 лет плата на уральских золотых промыслах лишь немного увеличилась у наемных рабочих и осталась на том же самом уровне у крепостных

¹ ЦГИАЛ, д. 1286, оп. 7, д. 202, л. 32.

² МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1141, л. 54.

³ «Пермские губернские ведомости», № 35, 1861 г.

А, начиная с 1858 года, стоимость припасов на Урале резко возрастала¹.

Кроме поденной платы, на золотых промыслах практиковалась сделная плата. Так, например, промывальщику и откидчику платили с количества переработанного золотосного песка: промывальщику со 100 пудов 10—16 копеек, откидчику 3—5 копеек². Старателям за намытое золото уплачивалось по 1 рублю 50 копеек за золотник. Возчикам платили с кубической сажени и с расстояния.

Очень часто деньги рабочим не выплачивали полностью в срок, иногда задерживали на целые месяцы.

Неся ничтожные расходы по оплате рабочей силы, владельцы уральских золотых приисков получали крупные прибыли. Так, купец Юхнев, арендовавший Всеволодоблаготатские золотые прииски, за пять лет, с 1 октября 1853 года по 1 октября 1858 года, получил 162 251 рубль чистой прибыли³.

Получая большие барыши, золотопромышленники не делали ничего для улучшения условий жизни рабочих. На Крестовоздвиженских промыслах местные промысловые жители размещались в восьми небольших домах, причем в каждом доме проживало по 3—4 семьи. На всех временных работников (на промыслах отбывали свои повинности не менее 600—700 крепостных княгини Бутеро-Родали) имелось всего лишь две казармы, из которых одна зимой совершенно не отапливалась, а в другой имелась только одна печь. При сорокаградусном морозе людям негде было даже обсушиться⁴. Крестьяне не имели теплой одежды. Не лучше обстояло дело и с питанием: трех с половиной фунтов печеного хлеба, выдававшихся на день с условием, если будет выполнен тяжелый урок, при скудном приварке было недостаточно.

Согласно проекту горного положения 1806 года, при каждом казенном или частном заводе с числом рабочих более 200 человек полагалось иметь свою больницу. На деле это постановление не претворялось в жизнь. В Перм-

¹ См. статью Н. А. Попова — Горнозаводский Урал, «Отечественные записки», 1874 г., № 12, стр. 315.

² Б. Федорова, Крепостной Тагил, стр. 68.

³ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1091, л. 196.

⁴ МОГА, ф. 280, оп. 1, д. 554, л. 26.

ской губернии, например, из 121 горного завода 46 не имели собственных больниц¹.

Очень трудно было попасть в больницу тем рабочим, которые находились на отдаленных приисках, так как промысловое начальство отказывалось выделять транспорт для их перевозки. Не утруждало себя начальство и заботой о больных, уже попавших в госпиталь. «Говядина, взятая ныне из здешнего запаса для госпиталей, не говоря уже о том, что она претерпела разные транспорты и морозы, по пренебрежению запащика не во-время солена, а потому отчасти имеет цынгоподобный запах и, следовательно, негодна, особливо для цынготных»² — жаловался лекарь Всеволодоблаготатских золотых промыслов, прося помощи у комиссионера тех же промыслов Головина. В это же время главный инспектор госпиталей уральских частных заводов Вульф доводил до сведения Горного правления, что «на Всеволодоблаготатских золотых промыслах цынготная болезнь не только уже свирепствует с февраля месяца, но что она ежемесячно усиливается и что из 41 цынготных больных, находившихся в больницах с 1 марта по 7 апреля, умерло 8 человек; заводоуправление же ни мало не удовлетворяет требованиям для предупреждения и прекращения этой болезни»³.

В 1860 году по предписанию владельца для «сбережения расходов» госпиталь на Всеволодоблаготатских золотых промыслах был совершенно закрыт. По тем же мотивам была закрыта и школа⁴.

Несколько лучше было положение тех крестьян, которых владельцы переселяли на постоянное жительство на прииски. Они имели возможность завести на новом месте хозяйство и постоянно быть при нем, жить в домах, а не в казармах. Именно из этой группы приисковых рабочих в первую очередь выделяется зажиточная верхушка, представители которой в некоторых случаях принимают на себя подряды на доставку продовольствия и фуража.

Работникам по найму приходилось наравне со всеми переносить все тяготы приисковой работы, но их преиму-

¹ К. А. Пажитнов, Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве, «Архив истории труда в России», кн. 4, стр. 25.

² МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1069, л. 25.

³ СОГА, ф. 43, оп. 2, д. 1298 л. 2.

⁴ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1091, л. 219.

щество заключалось в том, что на этой работе они находились лишь определенное время, обусловленное контрактом, а их заработная плата и довольствие были несколько выше, чем у крепостных работников.

Классовая борьба на частных золотых промыслах

На жестокую эксплуатацию мастеровые и крестьяне уральских золотых промыслов отвечали массовыми побегами, отказом от работы, волнениями. Дело доходило до открытых столкновений рабочих с присланными для их умирения солдатами. Подавленные на определенное время волнения вспыхивали с новой силой. Народные массы не могли больше жить по-старому. В этом состояло одно из проявлений кризиса феодально-крепостнической системы.

Наиболее простой формой борьбы мастеровых и крестьян против каторжных условий труда были побеги. Вот один из примеров. Крепостной крестьянин Всеволожских Деимов Степан сын Харитонов, будучи прислан управляющим с Лытвенского железоделательного завода на Заозерский золотой рудник и работая при промывании золота, был бит палками за то, что пропустил с водой частицу золота. 20 июля 1830 года он бежал с рудников с группой в 50 мастеровых. Все они бежали для того, чтобы, «явившись в главное Пожевское правление, принести о причиняемых им напрасно жестоких побоях жалобу»¹.

В этот период крестьяне и мастеровые еще ищут защиты у вышестоящего начальства. Вера в доброе начальство и царя-батюшку пока остается прочной. Но надо иметь в виду, что принесение жалоб на свое бедственное положение и притеснения местного начальства является тоже одной из примитивных форм протеста, свидетельствующей о слабом развитии классового самосознания, но все же формой протеста.

Бежали не только крепостные, бежали и наемные рабочие. Чтобы застраховать себя от их побегов, владельцы вводили в контракты специальный пункт, согласно которому каждый десяток отвечал удержанием из артельной суммы за бежавших из этого десятка. Однако, несмотря на это, побеги наемных рабочих продолжались.

¹ Серовский филиал СОГА, ф. 12, оп. 3, д. 1, лл. 1—2.

Так, в 1844 году на Всеволодоблагодатские золотые промыслы из 354 законтрактованных по вольному найму жителей Вятской губернии явилось для работы только 190 человек. Остальные 164 человека, дойдя до Пожвы, воротились окольными дорогами домой. Впоследствии крестьяне объясняли свой побег тем, что их обманули при найме и что расстояние до приисков оказалось значительно больше, чем им говорили¹. Непосредственно с Всеволодоблагодатских золотых промыслов «из числа нанявшихся в промысловые работы крестьян Чердынского уезда «в январе 1858 года ушла группа в 36 человек. Незадолго перед своим уходом эти крестьяне «с дерзостью», как сообщал в своем рапорте исправник, объясняли ему, «что возлагаемые на них Управлением работы считают отягчительными и поэтому работать больше не желают и уйдут с промыслов»². Помимо побегов такими крупными партиями, большое число вольнонаемных и крепостных бежало с приисков поодиночке и группами в 3—4 человека.

Над пойманными беглецами творилась жестокая расправа. Их били шпицрутенами, заковывали в кандалы, а после наказания снова возвращали на прииски. Так, из прибывших в апреле 1843 года на Всеволодоблагодатские золотые прииски 54 частновладельческих работников 32 человека были людьми, которые ранее уже бежали с этих же промыслов³. По возвращении их ставили на самые тяжелые работы. За неоднократные побеги отдавали в солдаты.

Но классовая борьба мастеровых и крестьян на уральских золотых промыслах не ограничивалась такими пассивными формами борьбы, как побеги и приношение жалоб. Очень часто протест и требования подкреплялись коллективным отказом от работы. При этом имели место открытые столкновения не только с промысловым начальством, но и с присланными для умирения воинскими командами.

Таковы были волнения на золотых промыслах при Шайтанском заводе Ярцева, возникшие в августе 1825 года среди крестьян Витебской губернии.

¹ МОГА, ф. 176, оп. 1, д. 1064, л. 6.

² СОГА, ф. 43, оп. 2, д. 1557, л. 1—2.

³ Серовский филиал СОГА, ф. 12, оп. 3, д. 20, лл. 36—37.

Эти крестьяне, считавшиеся наемными, попадали на прииски не добровольно, а по воле своего владельца: они принадлежали белорусскому помещику Бороздину, который отдал свое имение с крестьянами в аренду витебскому мещанину Бирюкову, а тот отправил крестьян по контракту на два года на прииск Ярцева¹. Крестьяне, как говорит документ, «19 числа истекшего августа учинили ослушание, неизвестно с чего оставя работы, к исполнению которых с 17 по 30 августа не явились под предлогом якобы неправильного вычета у них за прогульные дни и за одежду денег, а тех же своих товарищей, которые не соглашались оставить работы, устраивали и наказывали розгами»².

Заводский исправник Штейман вместе с екатеринбургским земским исправником и управляющим промыслами безуспешно уговаривал крестьян «образумиться». Крестьяне «криками ответствовали, что в работы до тех пор не вступят, покуда не выдадут им копии с контракта и за прогульные дни и за одежду неправильно якобы вычтенные деньги»³.

Только после того, как 28 августа все их требования были выполнены, крестьяне вернулись на работу. Однако уже 2 октября 123 человека снова отказались выходить на работу. Волнения то затихали, то, разгораясь, продолжались. 13 марта на прииск явилась воинская команда. Начальник ее Костырко «по прибытии приказал старостам всех крестьян собрать к заводской конторе, но они на сие не согласились, а собрались в другом месте, и из них до 50 человек, выйдя на делаемые им, Костырко, увещания, согласились явиться к производителям следствия, но, когда команда выступила обратно в Шайтанский завод, в то время прочие неповинующиеся, скрывавшиеся за строениями, напали с рычагами, железными кочергами, прутьями и лопатами на фронт, произведя битье нижним чином»⁴. Пермский губернатор доносил 25 марта 1826 года, что против находящейся на приисках воинской команды Костырко рабочие «вооружались нарочно сделанными бе-

резовыми рычагами». Своих изменников они «подвергают жестокому телесному наказанию и содержат под караулом»¹.

Как в дальнейшем осуществлялось подавление волнений — неизвестно. Известно только, что 29 марта Костырко увел свою команду, а крестьян, поскольку у них согласно контракту 30 апреля кончался срок работы на приисках, было решено рассчитать и распустить по домам. Следствие об их действиях было передано в Витебское губернское правление «для поступления с виновными по закону», для чего туда под охраной были высланы «зачинщики» возмущения.

Небольшое по своим размерам, это волнение интересно для нас организованностью и сплоченностью, проявленной рабочими. Они имели своих руководителей. «Главнейшие возмутители состоят из 8 человек, которые как сами не повинуются, так и других к допросам не допускают»², — сообщалось в рапорте. Рабочие устраивали суд над штрейкбрехерами и, наконец, оказали вооруженное сопротивление воинской команде.

Более крупные волнения разыгрались на Всеволодоблагодатских золотых промыслах помещиков Всеволожских в 1838 году. Здесь работало по найму 700 государственных крестьян Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. В первых числах января 1838 года крестьяне перестали ходить на работу, а затем «разбили двери и окна в конторе, в которой хранилось золото, избили писаря, казаков и штейгеров и, запасшись хлебом и мясом, в числе 300 человек 4 и 5 января ушли с промыслов по тракту к Богословским заводам с намерением пройти в Усть-Сысольский уезд»³. С помощью воинской команды крестьяне были остановлены и под конвоем доставлены обратно на завод.

Следствие показало, что «неповиновение и буйство крестьян произошло оттого, что им не было выдаваемо полной пропорции хлеба, отчего они и терпели в продовольствии недостаток»⁴. Оказалось, что предприятия Всеволожских

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, Сборник документов, т. 1, М., 1951 г., стр. 93.

² МОГА, ф. 297, оп. 3, д. 59, л. 1.

³ Там же.

⁴ МОГА, ф. 297, оп. 3, д. 69, л. 6.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 3, д. 168, лл. 18—19.

² См. Рабочее движение в России в XIX веке, т. 1, стр. 445.

³ Пажитнов, Волнения среди фабрично-заводских рабочих (1824—60 гг.) по данным архива III отделения, «Архив истории труда», кн. II, стр. 134.

⁴ Пажитнов, указанная работа.

находятся в состоянии упадка, контора постоянно нуждается в деньгах и не может выдавать плату рабочим.

Несколько раз происходили волнения на Крестовоздвиженских золотых промыслах княгини Бутеро среди крепостных крестьян, присылаемых в качестве временной рабочей силы в порядке «исправления повинностей».

Первое волнение возникло в декабре 1839 года, когда крестьяне, побросав работу, двинулись в Пермь, чтобы принести пермскому губернатору жалобу. В этой жалобе, отмечая крайнюю обременительность отбывания повинностей при заводах и промыслах, крестьяне приводят в качестве примера положение одного из своих товарищей — Якима Шардина. Он «имеет от роду 40 лет, его отец, Фотий, 66 лет, Якимов сын, Дмитрий, 6 лет, всего семейства 6 человек, из коих могущих работать один Яким, а прочие не только для себя что-либо не могут приобрести или заготовить, но прямое содержание оных зависит от одного Якима»¹. За те $2\frac{3}{8}$ окладной души, которые числились за Шардиным, ему в 1839 году пришлось отрабатывать повинности круглый год. С 25 марта он был командирован в соляной караван из Усолья в Нижний Новгород. В счет той же весенней повинности ему полагалось нарубить небольшое количество куренных дров, однако эта работа вместе с переходами на завод занимала 15 дней. В целом же на отбывание весенней повинности уходило 143 дня, за которые правление выплачивало всего лишь 66 рублей 33 копейки, тогда как можно было по вольным ценам на этих же работах получить 153 рубля 12 копеек. Кроме того, крестьянин, отбывая повинность, терял самое дорогое весеннее время. По осенней повинности тому же Якиму Шардину полагалось выжечь на уголь $13\frac{5}{8}$ сажени куренных дров, на что вместе с переходами тратилось 72 дня. По зимней повинности ему необходимо было отработать 83 дня при золотых промыслах, что вместе с переходами и праздничными днями составляло 116 дней. В эту же зимнюю повинность входила перевозка груза на заводы, что отнимало еще 12 дней. Всего же зимняя повинность занимала 127 дней и составляла по ценам правления 45 рублей 41 копейку, а по вольным ценам 130 рублей 97 $\frac{1}{8}$ копеек. Кроме того, полагалось еще отработать 14 дней на барских землях. В целом крестьянин Яким

¹ МОГА, ф. 280, оп. 1, д. 554, л. 19.

Шардин должен был работать на помещика в течение одного года 356 дней. Шардин — только пример. Так было и с другими. В результате собственные хозяйства крестьян приходили в запустение и разорение. Разоренные, лишившиеся всех средств производства, крестьяне пополняли образующийся уже в недрах феодально-крепостнического общества пролетариат.

Самыми трудными для крестьян были работы на золотых промыслах, где дневные нормы давались столь непосильные, что за неделю работник мог отработать лишь 4 урока. А невыполнивший урока не получал никакого содержания. Не имели содержания и те, кто, ослабев от работы, получал освобождение на один-два дня. В числе таких ослабевших было много детей 11—12 лет, которые, не имея никаких средств существования, просили подаяние у жителей прииска. Многие из этих детей, несмотря на морозы и плохую одежду, бежали с промыслов, но часто не могли достигнуть даже ближайшего селения Бисерского (расположенного в 25 верстах от промыслов) и замерзали по дороге. «Нередко случается таковым, — говорится в одном документе, — самое лишение жизни»¹. Крестьяне не получали полагавшихся им наличных денег — 15 копеек взрослому и 10 копеек подростку на каждый день, а «вместо оной, — как сообщалось в жалобе, — приготавливают крупяные щи»².

13 декабря крестьяне, в количестве около 600 человек, покинули прииски и направились в Пермь. Чтобы остановить их, местные власти распорядились поставить на дороге пожарные машины и лить на бегущих воду. Однако эта мера не помогла, — крестьяне вышли другими дорогами. В пути их догнал заводский исправник, который угроживал крестьян вернуться обратно, но они отказались. 16 декабря крестьяне достигли Перми и остановились в Мотовилихе. Получив здесь заверения со стороны губернского начальства, что в их прошении разберутся, крестьяне отправились обратно на прииск, но часть их разошлась по домам.

Положение после этого не улучшилось. Тогда 8 января 1840 года, как доносил находившийся там советник Уральского горного правления, крестьяне вновь учинили

¹ МОГА, ф. 280, оп. 1, д. 554, л. 25.

² Там же.

«буйство»¹, а 15 января толпой около 700 человек явились в Крестовоздвиженское и направились отсюда далее, держа путь в Пермь. В Крестовоздвиженском начальство пыталось их остановить, но в ответ на угрозы «весьма многие с дерзостью говорили, что они возвратятся к работам, если тотчас уроки уменьшатся, а плата увеличится, что они не боятся ни наказаний, ни отдачи в солдаты»². Направляла действия толпы наиболее стойкая группа «зачинщиков», которая увлекала за собой остальную массу крестьян. Главными виновниками волнения начальство считало проживающих в Перми служителей княгини Бу-теро Кашина и Каменского, которые писали крестьянам прошения и «посредством своих сообщников, скрывающихся между здешними рабочими, возбуждают дух беспокойства и неповиновения»³. Остановить толпу крестьян начальству так и не удалось, но по пути она сама стала таять: 15 января отстало 145 человек, 16-го — 100.

Напуганное этими выступлениями, приискское начальство несколько улучшило условия работы на промыслах. 2 июня 1840 года управляющий Граубе доносил, что плата выдается по 15 и 20 копеек в день (то есть она была соответственно увеличена на 5 копеек взрослому работнику и подростку), носилки заменены тачками, лучины — свечами. Число казарм было увеличено до четырех, к ним пристроены сени⁴.

Но самая действенная мера к прекращению волнений — отказ от посылки крестьян из далеких деревень на промысловые работы — так и не была осуществлена. Волнения продолжались. Уже в январе 1841 года пермский губернатор Огарев рапортовал о новом неповиновении на промыслах. Оно началось еще 30 декабря, когда при утренней раскомандировке рабочие в составе 900 человек потребовали прибавки людей к артелям. Начальство пошло на уступки и увеличило число людей в артелях (артель по добыче песков вместо 7—9 человек стала формироваться из 9—11 человек). 2 января рабочие увеличенными артелями приступили к работе (без этого они не выходили на работу). Но после того, как на промыслы была прислана военная команда Оренбургского линейного ба-

¹ МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 1, л. 3.

² МОГА, ф. 65, оп. 1, д. 1, л. 5.

³ Там же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 7, д. 202, л. 105.

тальона, количество людей в артелях было управлением уменьшено до прежней нормы, а «зачинщики» подвергнуты «легкому полицейскому исправлению»¹. 27 февраля воинская команда ушла с промыслов².

Волнения на тех же приисках возобновились в ноябре 1845 года. Работали там большей частью временно присылаемые из разных сел помещичьи крепостные крестьяне. Уже 15—16 ноября работы выполнялись небрежно, чаще, чем обычно, ломался инструмент. 19-го числа крестьяне в количестве 150 человек, собравшись в казармы, отказались выйти на работу и потребовали сбора всех работников. Смотритель не выполнил этого требования, сославшись на то, что не может собрать рабочих, находившихся в разных местах. После этого крестьяне «без должного уважения и покорности, в виде настоятельного требования, начали изъяснять претензии»³. Смотритель обещал передать их требования начальству. Некоторое время спустя крестьяне разошлись по работам. Приехавший на промыслы исправник 23 ноября арестовал 8 человек зачинщиков, которые были подвергнуты «полицейскому исправлению». Однако часть требований крестьян была все же удовлетворена. Например, нагребщики в шахтах были назначены по одному человеку на каждый забой с тем, чтобы на каждого из них приходилось по 600 пудов вместо назначавшихся ранее промысловым управлением от 900 до 1200 пудов. Со стороны главного начальства заводов управляющему промыслами было дано указание «об облегчении рабочих по перекатке песков, уменьшения тележек и прочее»⁴.

Волнения на Крестовоздвиженских золотых промыслах говорят нам о тяжелом положении крепостных крестьян на Урале в первой половине XIX века, особенно работавших на золотых промыслах. Выступления крестьян отличались еще пассивностью, но и в такого рода протесте был определенный элемент организованности.

В мае 1849 года произошли волнения на Троицких золотых промыслах советницы Жуковой. Восемь человек из числа рабочих прииска (на промыслах работали наемные

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 7, д. 202, л. 129.

² СОГА, ф. 124, оп. 1, д. 39, л. 11.

³ Там же, ф. 43, оп. 2, д. 1289, л. 9.

⁴ СОГА, ф. 43, оп. 2, д. 1289, л. 25.

рабочие из казанских татар) не выполнили данной нормы. Они получили выговор и были записаны в журнал.

После этого выходящий из конторы заведующий полицейским участком был встречен толпой рабочих в 200 человек, которые криками выражали свое недовольство условиями работы. По приказу управляющего два «зачинщика» были арестованы, но рабочие отбили своих товарищей. На следующий день начальство снова пыталось арестовать «зачинщиков», но рабочие, окружив их, не допустили полицейских казаков исполнить приказание¹. 4 мая на прииск приезжал исправник. Всем рабочим было приказано выйти на двор «без инструментов, для переключки и исследования их поступков».

Рабочие отказались повиноваться, и часть из них в составе 150 человек, с котомками, вооруженная черенками от лопат, двинулась по Верхне-Уральской дороге. Исправник хотел арестовать двоих рабочих, но остальные этого не позволили. Всего отказалось повиноваться до 400 рабочих. Лишь 6 мая, когда на промыслы прибыла воинская команда из 100 человек казаков и 50 башкир, сопротивление рабочих было сломлено. 19 человек было арестовано, 55 подвергнуто полицейскому наказанию.

По делу о волнениях на Троицких золотых приисках последовало «высочайшее повеление». О нем сообщал главному начальнику горных заводов хребта Уральского министр финансов:

«...Подобные попытки крайне вредны и надо, чтобы строгое наказание примером остановило подражание»². После этого дело ускоренным порядком разбиралось Троицким уездным судом, затем рассматривалось Оренбургской палатой уголовного суда, а 24 сентября 1850 года было направлено в правительствующий сенат.

Царское правительство поспешило расправиться с рабочими, опасаясь, что это выступление найдет себе активную поддержку в других местах.

* * *

Подводя итоги классовой борьбы на частных золотых промыслах Урала в первой половине XIX века, надо отметить, что эта борьба, как и вся борьба трудящихся

масс России, была отражением кризиса феодально-крепостнической системы, расшатывала существующий строй, вела к необходимости отмены крепостного права. Эта классовая борьба носила еще стихийный характер, когда политические требования не выставлялись, когда у мастеровых и крестьян еще сильна была вера в «справедливость» царских законов. Однако в процессе этой борьбы, выступая против притеснений со стороны владельцев и администрации, против низкой заработной платы, задержек ее выплаты, против штрафов, длительного рабочего дня, тяжелых условий труда, нарушений договоров о найме, мастеровые и крестьяне начинают чувствовать силу коллективного отпора своим угнетателям. Они все чаще переходят от пассивных форм борьбы к более организованным — массовым. Особенно часто прибегают к ним наемные рабочие. Все эти выступления жестоким образом подавлялись царскими властями, но в некоторых случаях администрация и владельцы промыслов вынуждены были идти на уступки.

¹ СОГА, ф. 43, оп. 3, д. 174, л. 2.

² Там же, л. 13.

В. В. Мухин

**К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
КИЗЕЛОВСКОГО БАСЕЙНА
(до Великой Октябрьской социалистической революции)**

Научный руководитель — кандидат экономических наук,
В. Ф. Тиунов

Горная промышленность Западного Урала имеет свою многовековую историю.

Уже в XV веке богатые соляные рассолы привлекли в Прикамье предприимчивых промышленников. В 1430 году на реке Усолке появились соляные варницы, построенные вологодцами братьями Калининковыми. В XVI веке к богатствам Урала протягивают руки Строгановы, получившие в свое владение огромную территорию в Пермском крае. Впоследствии Строгановы завладели и районом Кизеловского бассейна.

В XVI—XVII веках на Западном Урале добывалась в основном лишь соль, выгодно сбывавшаяся в Центральной России и Поволжье. Рудные месторождения почти не разрабатывались.

Положение резко изменилось в начале XVII столетия, когда в связи с ростом внутреннего рынка и началом Северной войны потребовалось большое количество металла. С этого времени на Урале начинается массовое строительство металлургических заводов. В 1722 году в Прикамье строится Таманский металлургический завод, в 1723 году — Егошихинский, в 1738 году — Мотовилихинский, в 1754 году — Пожевской, в 1756 году — Нытвен-

ский, в 1760 году — Очерский и Кыновский, в 1761 году — Чермозский. Поиски руд становятся все более интенсивными. Лишь в одних вотчинах Строгановых в период с 1726 по 1763 год было открыто 67 рудников¹.

Железные руды были найдены и в долине реки Кизела. В 1762 году был заявлен первый Кизеловский рудник. В 1763 году строгановские приказчики заявили еще 3 рудника. Берг-коллегия указом от 14 марта 1764 года разрешила барону Строганову постройку завода на реках Кизеле и Лытве².

В семидесятых годах XVII столетия часть территории Кизеловского бассейна перешла от Строгановых к новым владельцам — Лазаревым и Всеволожским.

В 1788 году Лазарев построил в Кизеле металлургический завод, который имел 2 доменных печи, 6 кричных молотов и давал в год 200—220 тысяч пудов чугуна и 15—20 тысяч пудов железа. Вскоре началось строительство Александровского завода. К девяностым годам XVIII века территория нынешнего Кизеловского бассейна представляла собой развитый для того времени промышленный район с металлургическим профилем.

Разработка сравнительно большого количества рудных месторождений требовала более или менее широких разведочных работ. При этих работах были обнаружены и другие полезные ископаемые. Так нашли и каменный уголь.

Существует мнение о том, что каменный уголь на Западном Урале был открыт в 1783 году, как об этом говорится в «Чермозской летописи», составленной Н. Н. Новокрещенных. Но в обнаруженном нами «Описании железных руд и ископаемых из Кизеловского и других железных рудников», относящемся к 1774 году, уже упоминается «черная земля». «Оная черная земля есть не что иное, как переход в каменный уголь»³, — говорит документ. Следовательно, впервые на Западном Урале камен-

¹ Н. Н. Новокрещенных, Постройка Кизеловского завода Лазарева И. И., Уфа, 1892 г., стр. 8.

² Молотовский областной государственный архив (в дальнейшем МОГА), фонд Чермозского, Кизеловского, Полазнинского заводов Усольского и Чермозского горного округа Лазаревых, ф. 280, д. 567, л. 1—2.

³ МОГА, фонд Главного управления заводами и промыслами А. А. Всеволожского — ф. 176, д. 44, л. 3.

ный уголь был найден не в 1783 году, а в 1774 году или даже ранее.

Главная роль в открытии каменноугольных месторождений Западного Урала принадлежит крепостным рудознатокам Моисею Югову и Екиму Меркушеву, которые не только приложили к этому делу массу усилий, но и заплатили ценой лишений за патриотическое желание объявить и использовать найденное богатство.

Моисей Иванович Югов, уроженец села Юрического, открыл несколько мест залегания каменного угля по реке Полуденному Кизелу. Первые опыты применения этого угля в горнах не дали желаемых результатов, но Югов верил в важность своих открытий; в своих «доношениях» он писал, что открыл также месторождения золота и серебряной руды. В Горном ведомстве открытие замолчали, очевидно, не без стараний хозяина угленосных земель Лазарева. Сам рудознатец был брошен в заводскую тюрьму, из которой ему впоследствии удалось бежать.

Такая же судьба постигла и продолжателя дела Югова — крестьянина Меркушева. За «доносительство» о каменноугольных и рудных месторождениях он был отдан в солдаты.

В 1794 году скрывавшийся в Петербурге Югов встретился с группой бывших крепостных Лазарева, служивших в гвардейских полках. Эти русские патриоты дважды, в 1794 и 1796 годах, подвергаясь риску быть наказанными за свою инициативу, подавали на царское имя «доношения» о найденных богатствах. Результаты сказались лишь в 1796 году, когда в Берг-коллегию были вызваны и допрошены там унтер-офицер Иванцов, фурлейт Меркушев, мушкетеры Елисеев и Дьяконов, а позднее — и сам Югов, доставленный в Берг-коллегию полицией. 9 января 1797 года Берг-коллегия постановила: «На местах тех, где крестьянин Лазарева Югов показывает руды и уголь, сделать по горным правилам опыты берггешворену Мечникову, обще с господином надворным советником Гладковым... Югова, — говорилось в распоряжении, — отправить к ним... через помещика его Лазарева, на его счет, с тем, чтобы с его стороны Югову и его семейству никакого притеснения не было...»¹.

Но годы лишений подорвали здоровье М. И. Югова, и

¹ А. А. Зворыкин, К истории Кизеловского каменноугольного бассейна, «Вопросы экономики», 1949 г., № 5, стр. 43.

он вскоре умер от туберкулеза, не успев показать открытых им месторождений. Так трагически закончилась жизнь талантливого крепостного рудознатца, большого патриота.

В Кизел были отправлены Меркушев и Иванцов. Разведки, произведенные по их указаниям, были поверхностны и малочисленны. Ни золота, ни серебряной руды партия не обнаружила, но залежи каменного угля были найдены. Руководитель партии Гладков доносил, что этот уголь производит «весьма неровной, продолжительной, глухой и к делу железа неудобоваримый жар... вообще он для заводского хозяйства неприбыточен...»¹.

Все же результаты этих разведок были в какой-то мере использованы. В 1797 году стала давать уголь первая штольня Запрудная. Этот год и считается годом начала угледобычи в Кизеловском бассейне.

Естественно, возникает вопрос, почему владельцы угленосных земель — Лазаревы всеми силами старались скрыть месторождения угля и других полезных ископаемых. В. Д. Меньшакова в своей книге «Кизеловский угольный бассейн» пытается объяснить это следующим образом: «Появление каменного угля угрожало интересам предпринимателей, занимавшихся выжигом древесного угля, что было выгодным промыслом вследствие дешевизны крепостной рабочей силы и дарового леса, хищнически истреблявшегося владельцами лесных дач вблизи заводов»².

Подобный же взгляд высказывает А. А. Зворыкин: «Помещики, владельцы уральских лесов, получавшие необычайно высокие доходы от выжига древесного угля, со своей стороны принимали все меры к закрытию угольных месторождений»³.

Оба эти объяснения исходят из уверенности их авторов в том, что выжигом древесного угля занимались помещики — владельцы лесных дач, которые сбывали уголь владельцам заводов. Авторам обеих работ, очевидно, неизвестно, что уральским магнатам (в том числе и Лазаревым) принадлежали и горные заводы и лесные массивы.

¹ А. А. Зворыкин, К истории Кизеловского каменноугольного бассейна, «Вопросы экономики», 1949 г., № 5, стр. 45.

² В. Д. Меньшакова, Кизеловский угольный бассейн, Молотовгиз, 1951 г., стр. 27.

³ А. А. Зворыкин, указанная статья, стр. 39.

Каждый завод имел собственную лесную дачу, где крепостные этого же заводчика выжигали уголь. Как правило, «угольное жжение» ни в аренду, ни на откуп не сдавалось. Следовательно, ни о какой конкуренции не могло быть и речи, так как с лазаревским каменным углем мог конкурировать только лазаревский же древесный уголь.

В доношениях Югова, Меркушева и других рудознатцев основное место занимал не каменный уголь, а золото и серебряная руда, разработка которых до начала XIX века была монополией государства. Боясь изъятия в казну месторождений золота и серебра, владельцы земель всячески старались скрыть месторождения этих ископаемых, а заодно и каменного угля, не имевшего к тому же практической ценности для хозяев-заводчиков.

После официальной заявки о каменном угле владельцам не было смысла дальше утаивать каменноугольные месторождения, которые стали открываться одно за другим, главным образом, при разведках на железо. В 1807 году было открыто Владимирское месторождение на реке Полдневная Луньва, в 1812 году — Усвинское, в 1814 году — Иваново-Луньевское, в 1825 году — месторождение на Крестовой горе близ Губахи. В 1853 году открыли Никито-Луньевское месторождение. Пласт каменного угля был найден даже в Кизеловском железном руднике — ниже рудного пласта. К концу 50-х годов XIX века каменноугольные месторождения были открыты уже в значительной части бассейна.

Открытие месторождений сопровождалось строительством мелких шахт. Одними из первых были построены Владимирская и Ивановская шахты, шатха Крестовая (теперь имени 1-го Мая). В 1853 году была заложена более крупная Никито-Луньевская копь, а в 1856 году Старо-Коршуновская, еще более крупная (теперь шахта имени Володарского). Шахты по терминологии того времени назывались «каменноугольными приисками». Добыча угля на таких «приисках» была крайне незначительной и велась нерегулярно, с большими перерывами. Известно, например, что в штольне Запрудная в период с 1797 по 1825 год было добыто лишь около 20 тысяч пудов угля, — в среднем меньше двух пудов за день¹. На Владимирском прииске с 1807 по 1815 год добыто также до 20 тысяч

¹ В. Д. Меньшакова, указанная работа, стр. 28.

пудов угля¹. Темпы угледобычи несколько повысились лишь в пятидесятых годах. С 1853 по май 1857 года на землях одного лишь Всеволожского было получено до 50 тысяч пудов каменного угля².

В эпоху феодализма, когда производительные силы страны были очень слабо развиты и внутренний рынок недостаточно широк, уральский уголь не мог найти себе большого применения. То мизерное количество его, которое добывалось, шло в основном для заводских кузниц. Лишь в пятидесятые годы истощение удобно расположенных лесных массивов заставило владельцев близлежащих заводов перевести некоторые цеха на каменный уголь. Так, в 1857 году каменный уголь «уже употребляется в Александровском заводе в пудлинговых и сварочных печах и на отопление паровых машин»³.

В январе 1854 года, накануне Крымской войны, когда особенно остро встал вопрос о снабжении топливом русского парового флота, получавшего до этого времени уголь из Англии, «управляющий Морским министерством, озабочиваясь изысканием средств для благовременного приобретения значительного запаса домашнего топлива для пароходов, чтобы не иметь нужды в покупке каменного угля за границу»...⁴, командирует на Александровское месторождение инженер-капитана Грамматчикова с целью установить пригодность уральских углей для пароходов и возможности их доставки к морским портам. Грамматчиков в своем отчете пишет о трудностях транспортировки александровского угля. До Камы сплав на 189 верст по рекам Лытве, Вильве, Яйве; или 93 версты гужом до Усть-Пожвинской пристани; затем по Каме, Волге и Мариинской системе. По расчетам Грамматчикова, уголь обойдется в Петербурге не дешевле 40 копеек за пуд (дороже английского)⁵. Он делает вывод: «Для пароходов, особенно для военных и длиннорейсовых, александровский каменный уголь при теперешней доброте его употреблен быть не может»⁶.

¹ Свердловский областной государственный архив (в дальнейшем СОГА), фонд канцелярии главного начальника заводов хребта Уральского — ф. 43, д. 231, л. 5.

² Там же, л. 9.

³ Там же.

⁴ СОГА, ф. 43, д. 231, л. 3.

⁵ Там же, д. 219, лл. 6—8.

⁶ Там же, л. 38.

В 1857 году на Урал посылается для обследования каменноугольных месторождений инженер штабс-капитан Тимофеев. Он обследовал все западноуральские месторождения и сделал выводы, близкие к выводам Грамматичкова. По его мнению, уголь Александровской дачи легко коксуется и может быть употреблен в вагранках, но сбыта этому углю в центральные и приволжские губернии не предвидится. По его подсчетам, уголь будет стоить в Казани и Нижнем-Новгороде примерно в полтора раза дороже эквивалентного ему количества дров.

Техническая сторона угледобычи находилась на очень низком уровне. Специалистов по добыче угля совершенно не было, так как это производство было еще слишком ново и незначительно. «Способ добычи состоит в том, — говорит очевидец о Владимирской и Ивановской копях, — что с берега реки подходят к угольному пласту штольнями... и, достигнув пласта, ведут штреки по падению его, соединяя их между собою поперечными ортами. Эти работы можно считать предуготовительными, потому, что между штреками остаются не вынутые столбы угля. Способ этот не удовлетворяет условиям выгодной разработки, потому что штольни, проходя по пласту, имеют падение в берег реки и вода, приток которой весьма значителен, не вытекает из выработок, а скопляется в забоях, откуда ее выкачивают ручными насосами. На отливе воды задолжается две трети употребляемых при работе поденщин. Из этого можно заключить о несовершенстве употребляемого способа разработки»¹.

Уголь добывался с помощью кайла, а на твердых породах применялась отпалка с помощью пороха. Добытый уголь отвозили на санках до шахтного ствола, а затем поднимали бадьей при помощи ручного или конного ворота — подъемника. Водоотлив также был ручным. Шахты освещались факелами или сальными свечами. Зимой из-за плохой вентиляции шахты часто совсем не работали.

«Угольные прииски» имели очень небольшое число рабочих. Например, в 1831 году на всех угольных копях Всеволожских (2 шахты и 1 шурф) в среднем в неделю работало только 25 человек². В 1860 году на всех угольных шахтах бассейна было занято всего лишь 76 рабочих³.

¹ СОГА, ф. 43, д. 231, л. 7.

² МОГА, ф. 176, л. 1046, лл. 1—4.

³ Е. И. Красноперов, 25-летие Пермского края со времени отмены крепостного права, Пермь, 1886 г., стр. 175.

Рабочие угольных копей Урала, как и большинство всех рабочих людей того времени, были крепостными и делились на две категории: мастеровые и сельские работники. Первые исполняли основные заводские работы, жили при заводе и, как правило, не имели пахотной земли; вторые имели пахотную землю, были только частью времени заняты на заводской работе и исполняли, главным образом, подсобные работы на заводах, занимаясь в остальное время сельским хозяйством.

Условия труда для рабочих угольных шахт были очень тяжелы, заработная плата низка. Сельским работникам приходилось делать большие переходы от своих деревень до места работы (даже из Оханского уезда), отнимавшие много времени.

Работа в сырых, тесных и темных шахтах требовала большой затраты мускульной энергии. И без того невыносимые условия усугублялись тяжестью крепостного права, когда рабочий был собственностью заводчика — хозяина шахты, который мог высечь его розгами, продать, лишить семьи и т. д. За невыполнение «уроков», за малейшее «неповиновение» полагались самые тяжелые наказания: плети, розги, колодки. Самых непокорных заковывали в цепи и спускали в штрафные шахты, где люди по годам не видели дневного света.

Крепостное население отвечало на этот гнет постоянным сопротивлением. Особенно широкие размеры приняло бегство. Крепостные Лазаревых и Всеволожских бежали на Каму, Волгу, на юг России. Так, в 1801 году убежал крестьянин села Половодова Егор Кутуков. Он добрался с фальшивым паспортом до Астрахани, где был пойман, возвращен владельцу и затем нещадно наказан¹. В 1814 году в селе Усолъе был пойман беглый мастеровой Александровского завода Трифон Мошков, который бежал уже не первый раз. Приговор по его делу гласил: «Мошкова и скрывавшего его работника Колпакова наказывать кнутом и, вырвав ноздри, сослать в каторжную работу навечно на Нерчинские заводы»². Особенно велико было сопротивление рекрутским наборам. Крестьяне не только бежали от солдатчины, но и калечили себя, оказывали вооруженное сопротивление барским приказчикам,

¹ МОГА, фонд Соликамского земского суда — ф. 13, д. 25.

² Там же, д. 219, л. 79.

предпочитая жить инвалидами или быть убитыми, чем переносить тяжести двадцатипятилетней солдатской службы.

В вотчинах Лазаревых и Всеволожских нередко вспыхивали волнения. Например, в девяностых годах XVIII века крестьяне сел Зюкайского и Кизвенского отказались от заводских работ и не выехали на подвозку руд и угля. К ним присоединились жители села Рождественского. Крестьяне разбили отряд солдат, посланный из Перми на их усмирение. На подмогу карателям выслали еще 250 солдат и 500 человек башкирского войска. В сражении было убито до 30 крестьян¹. Крупные волнения были во владениях Лазаревых в 1822 году.

Процесс разложения феодально-крепостнического строя и формирования в его недрах нового, капиталистического способа производства, начавшийся в России еще в XVIII веке, пошел особенно бурно с начала XIX века. Крепостнические отношения стали уже серьезным тормозом развития производительных сил страны. В России складывалась революционная ситуация. Царское правительство, не имея сил задержать нарастание революционного движения, вынуждено было в 1861 году отменить крепостное право.

Для горнозаводской промышленности Урала, возникшей при крепостничестве и достигшей при нем наивысшего расцвета, реформа 1861 года была серьезным ударом. В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» отмечал: «Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе... Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма»².

Реформа на Урале была проведена с запозданием и имела целый ряд особенностей. Опасаясь, что после отмены крепостного права горные заводы, условия жизни и труда на которых были очень тяжелыми, потеряют значительную часть своей рабочей силы, правительство сделало все возможное, чтобы привязать рабочих к заводам.

¹ Н. Н. Новокрещенных, указанная работа, стр. 87—89.

² В. И. Ленин, Соч., том 3, стр. 424.

После реформы темпы роста горнозаводской промышленности Урала, основанной не на конкуренции, а на монополии и владельческом праве, стали отставать от темпов развития промышленности всей страны. Если в 1870 году уральские заводы выплавляли 245 тысяч тонн чугуна, что составляло 67 процентов общероссийской выплавки, то к 1900 году, хотя выплавка достигла 828 тысяч тонн, уральский чугун составил всего лишь 28,2 процента общероссийской выплавки¹. Уральская металлургия, почти два столетия занимавшая первое место в стране, уступила его молодой металлургической промышленности Юга, не знавшей крепостнических пережитков. Уральская горнозаводская промышленность вступила после реформы в длительный кризис, из которого она так и не смогла выйти до Великой Октябрьской социалистической революции.

В шестидесятые годы на Урале стал интенсивно развиваться ряд новых отраслей промышленности (содовая, угольная и другие), которым были в меньшей степени свойственны крепостнические пережитки, столь характерные для старых уральских заводов. Подъем угольной промышленности Западного Урала начался не сразу после реформы. Развитие производительных сил и внутреннего рынка в стране все еще не обеспечивало широкого сбыта каменному углю, интерес к которому, однако, продолжал возрастать.

В 1865 году угольные месторождения Западного Урала вновь обследовал академик генерал-лейтенант Гельмерсен. Он пришел к выводу, что возможно довести угледобычу до 35 миллионов пудов в год и обеспечить сбыт угля на ряд заводов и волжско-камскому паровому флоту. Для удобства транспортировки угля он предлагал построить железную дорогу до Камы протяжением в 80—100 верст². Но и на этот раз дело кончилось одними лишь «благими пожеланиями».

Владельцы угольных месторождений, считая невыгодной для себя их разработку, начинают сдавать копи в аренду разным предпринимателям. В бассейне появляется

¹ В. С. Гулин, Уральская горнозаводская промышленность в цифрах за 50 лет и дальнейшие пути ее развития, Москва, 1930 г., стр. 10.

² Отчет генерал-лейтенанта Гельмерсена о геологических исследованиях, произведенных по высочайшему повелению на Урале в 1865 г., «Горный журнал», 1866 г., ч. IV, стр. 88.

и иностранный капитал, жадно протягивающий руки к богатству уральских недр.

В 1862 году Всеволожские отдали свои копи в аренду «Анонимной Бельгийско-Французской компании», которую финансировал Коммерческий и промышленный Дармштадтский банк. Компания собиралась перевести Александровский завод на минеральное топливо, довести угледобычу до 5—6 миллионов пудов в год, построить железную дорогу до Камы и сплавлять уральский уголь в Поволжье¹. Но практическая деятельность этой компании ограничилась закладкой одной новой копи, которая эксплуатировалась хищнически. Уголь в небольших количествах сплавлялся баржами в Поволжье; в 1864 году бельгийцы поставили паровой компании «Самолет» 350 тысяч пудов угля, но по цене гораздо выше договорной². Отсутствие широкого рынка сбыта и удобных путей сообщения делало угледобычу невыгодной даже для иностранцев, применявших самые хищнические методы эксплуатации.

Толчком, вызвавшим быстрое развитие угольной промышленности Западного Урала, послужило строительство Горнозаводской железной дороги, связавшей собой большинство крупных уральских заводов и давшей прямой выход их продукции к камским пристаням.

Уже весной 1870 года Гельмерсен и горный инженер Меллер вновь выезжают на Урал «для осмотра имеющихся в северной его части месторождений каменного угля с целью определить значение их для проектированной Уральской железной дороги»³.

Предвидя открытие широкого рынка сбыта, «Уральское горнопромышленное товарищество «Демидов, князь Сан-Донато и К°» арендует в 1873 году копи Всеволожских и начинает разведки по рекам Восточной и Северной Луньвам. Открыты были месторождения: Андреевское, Белоноговское, Урсинское. В 1875 году «Товарищество» заложило копи: «Григорий» и «Граф», в 1877 году — «Иллиодор». Хозяин Кизеловской дачи князь Абамелек-Лазарев в свою очередь производит разведки и закладывает шахты.

Добыча угля постепенно растет. Если в 1855 году на

¹ Де-Болъе, Описание заводов и рудников г. Никиты Всеволожского, «Горный журнал», 1862 г., ч. II, стр. 586—596.

² Гельмерсен, указанный отчет, стр. 87.

³ СОГА, ф. 43, д. 715, л. 1.

Урале было добыто угля всего 440 015 пудов¹, то в 1875 году было добыто уже 1 278 892 пуда, то есть за 20 лет добыча угля увеличилась почти в три раза.

Но особенно резкий скачок в добыче угля произошел в 1879 году, когда была пущена в эксплуатацию Горнозаводская железная дорога. Кизеловские угли стали потребляться в большом количестве как самой железной дорогой, так и целым рядом новых промышленных предприятий (например, содовым заводом Любимова и Сольвэ в Березниках, куда он теперь подвозился рельсовым путем). Добыча угля на Урале увеличилась в 1879 году до 4 085 688 пудов, в 1880 году она достигла уже 7 217 391 пуда². В уральской угольной промышленности начинается заметное оживление. За десятилетие с 1875 по 1885 год добыча угля на Урале увеличилась в 8,51 раза, тогда как за это же время в Донбассе только в 2,26 раза, а по всей России — в 2,59 раза. Урал выдвинулся по размерам добычи угля на третье место в стране (после Донбасса и Польши)³.

К 1900 году добыча угля в Кизеловском бассейне достигла 21 162 000 пудов⁴. В бассейне строятся новые шахты: в 1882 году — Богородская и Княжеская (ныне шахта имени Ленина), в 1891 году — «Елим», в 1895 году — Княгининская, в 1892 году — Захарьевская, шахта в Губахе, в 1890 году — Курмаковские копи (ныне шахта имени Калинина); на Усьве строятся штольни Николаевские, Спасские и другие. В 1890 году в бассейне насчитывалось 13 действующих шахт и штолен (4 на Луньве, 3 в Кизеле и 6 в Губахе)⁵. В 1900 году их было уже 36 (7 на Луньве, 12 в Кизеле, 9 в Губахе и 8 на Усьве)⁶.

Из старых владельцев земель разработкой угля занимались только Лазаревы, Всеволожские же сдавали угле-

¹ Абамелек-Лазарев, Вопрос о недрах и развитии горной промышленности с 1808 по 1908 гг., СПб., 1910 г., стр. 220.

² Горнозаводская промышленность России в 1883 г., составил Е. Васильев, СПб., 1885 г., стр. 34.

³ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1890 г., составил С. Кулибин, СПб., 1893 г., стр. XXXIII.

⁴ Там же, 1900 г., СПб., 1903 г., стр. 409—410.

⁵ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 г., стр. 240.

⁶ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г., стр. 409—410.

носные участки в аренду Захаровскому, Пономареву, Бердинскому и другим, продают Луньевские копи Демидову. На земле, арендованной у Лазарева, устраивает свою копь Любимов. Число действующих шахт за десятилетие увеличилось почти втрое, а добыча угля возросла на 6056 тысяч пудов. Самым крупным углепромышленником в бассейне являлся Лазарев, сосредоточивший в своих руках в 1890 году 29 процентов, а в 1900 году уже 58 процентов всей добычи. За ним следовали Демидов и более мелкие углепромышленники: Любимов, Захаровский, Бердинский.

На копиях Демидова и Лазарева впервые на Урале было начато производство кокса (сначала в кучах, а потом в специальных печах).

Чтобы показать рынок сбыта кизеловского угля в эти годы, воспользуемся данными, приведенными инженером Годлевским¹.

В 1892 году уголь был распределен следующим образом:

1) солеварням Дедюхинским, Ленвенским, Березниковским и Березниковскому содовому заводу — 5 428 800 пудов;

2) Уральской и Оренбургской железным дорогам — 4 732 075 пудов;

3) заводам Мотовилихинскому, Чусовскому, Кизеловскому, Александровскому, Тагильскому и другим — 2 682 621 пуд;

4) выжжено кокса на Луньевских копиях 551 843 пуда и отправлено Тагильским заводам 551 294 пуда.

Эти цифры показывают, что наиболее крупными потребителями кизеловского угля были солеварни и содовый завод (38,2 процента), затем железные дороги (33,4 процента) и, наконец, металлургические заводы (18,8 процента) — в основном Кизеловский, Чусовской и Мотовилихинский (на пудлингование, для паровых котлов и т. д.), и лишь 9,6 процента угля оставалось на долю мелких потребителей. Среди них можно назвать такие предприятия, как машино-судостроительный завод Любимова в Перми и завод Агафурова и братьев Крестовниковых в Казани (мыловаренный).

¹ Г. И. Годлевский, Современное положение каменноугольного дела на Урале, «Горный журнал», 1894 г., ч. II, стр. 332, 335, 337.

Почти весь получавшийся кокс шел для выплавки меди — на Выйский завод.

Таким образом, угледобыча на Урале в девяностых годах XIX века еще растет, рынок сбыта угля несколько расширяется. Но дальнейший рост угледобычи был затруднен. Это объяснялось двумя причинами: обособленностью Урала и отсутствием железной дороги, связывающей его с другими частями страны; рутинной техникой уральских горных заводов и нежеланием заводчиков вводить технические усовершенствования.

Если первое препятствие было ликвидировано, и Урал, в конце концов, получил прямую рельсовую связь с центром России, то второе при капиталистическом строе не могло быть ликвидировано, так как хозяева уральских заводов, используя дешевую рабочую силу, получали высокие прибыли и при старом оборудовании и не были заинтересованы в реконструкции своих заводов, что потребовало бы больших затрат.

В конце XIX века Урал посетила специальная комиссия во главе с Д. И. Менделеевым, который, изучив положение уральской металлургии, настоятельно советовал начинать на Урале производство железа на минеральном топливе. В статье «Уральская железная промышленность» он писал: «Мне кажется, что уже следовало бы попытаться получить чугун, исходя из кизеловских углей, особенно если кокс этого угля мешать с древесным углем... Для увеличения массы железа в России и для его удешевления было бы важно, чтобы именно на Урале началась выплавка чугуна на коксе, а для этого нет других мест, более подходящих, чем Кизел»¹.

Но уральская металлургия при капитализме не могла выйти из положения застоя.

Переход капитализма в последнюю стадию развития — империализма — в России, как и везде, сопровождался ростом монополий, обострением конкуренции, разрушительными кризисами. Все эти явления были характерны и для уральской горнозаводской промышленности. Кризис 1900—1903 годов тяжело отразился на ней. Выплавка чугуна упала с 828 тысяч тонн в 1900 году до 668 тысяч

¹ Д. И. Менделеев, Соч., т. XII, Работы в области металлургии, Уральская железная промышленность, Ленинград—Москва, 1949 г., стр. 543—544.

тонн в 1903 году¹. Старые уральские заводы не могли в условиях кризиса конкурировать с южными металлургическими заводами, и некоторая часть их была закрыта. Десятки рабочих оказались выброшенными на улицу.

Угольная промышленность Урала тоже пострадала от кризиса, хотя и в гораздо меньшей степени. Это объясняется тем, что ей были менее свойственны крепостнические пережитки, характерные для металлургических предприятий, и что уральский уголь в это время фактически не имел себе конкурентов: донецкий и польский уголь было невыгодно везти на Урал, карагандинские и кузнецкие угли еще только разведывались. Основные потребители уральского угля — железные дороги, солеваренная и содовая промышленность почти не пострадали от кризиса. Сокращение спроса на уголь произошло лишь за счет металлургической промышленности.

В 1900—1902 годах добыча угля на Урале еще растет (в 1901 году добыто 32 240 180 пудов, в 1903 году 33 430 628 пудов) и лишь в 1903 году она падает до 29 981 922 пудов².

После кризиса, в особенности с началом русско-японской войны, спрос на уголь резко возрастает главным образом за счет роста потребностей железных дорог, что было обусловлено усилением железнодорожного движения на восток.

Число шахт в бассейне за несколько лет (с 1900 по 1907 год) возросло до 38³. За короткий срок были построены шахты: Мариинская (теперь имени Урицкого), Семеновская (теперь имени Сталина), Владимирская в Губахе и другие.

За семь лет — с 1900 по 1907 год добыча угля в бассейне возрастает на 20 307 760 пудов — до 41 469 736 пудов, то есть почти в два раза⁴.

Основная часть угледобычи сосредоточивается теперь в руках Лазарева (71,2 процента), который фактически превращается в монопольного хозяина рынка, тем более,

¹ В. С. Гулин, указанная работа, стр. 10.

² Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1907 г., под редакцией И. Попова, СПб., 1910 г., стр. XXXI.

³ Там же, стр. 440.

⁴ Там же.

что Демидов почти не выбрасывает угля на рынок, используя его на своих заводах.

Между владельцами шахт идет жестокая конкурентная борьба, которая ведет, главным образом, к подрыву экономики конкурентов, а не к усилению производственных мощностей. Так, в 1909 году Лазарев купил копи своего конкурента Бердинского и затем поставил их на консервацию, чтобы сохранить цену на свой уголь.

Во время русско-японской войны рынок сбыта уральского угля расширился на восток до Омска, но вскоре, когда организованное Международным банком Кузнецкое общество начало разработку месторождений каменного угля Кузнецкого бассейна, у Кизеловского бассейна появился сильный конкурент. «Конечно, это общество, пользуясь неограниченной поддержкой могущественного Международного банка, в состоянии наводнить своим углем Урал»¹, — писал по этому поводу управляющий пермским имением Лазарева Курмаков. Банковская группировка, стоявшая за спиной Кузнецкого общества, добилась снижения тарифов на сибирский уголь, который, вытеснив уральский из района Челябинск—Омск, в большем количестве стал завозиться на Волгу. Уральский уголь не выдерживал и там этой конкуренции, поскольку уступал сибирскому в качестве, хотя при доставке водой обходился дешевле.

Новый промышленный подъем, а затем и мировая война снова вызвали повышение спроса на уральский уголь и увеличение угледобычи в бассейне. В 1916 году Кизеловский бассейн дал рекордную цифру добычи угля — 975 тысяч тонн². Это все, на что была способна угольная промышленность Кизеловского бассейна при царизме.

Большинство копей бассейна до Октябрьской социалистической революции было небольшими по размерам. Такая шахта, как Иллиодор, дававшая в год около 1,5 миллиона пудов³, считалась гигантом. Годовая добыча большинства угольных разработок составляла всего лишь несколько десятков тысяч пудов. Более крупные шахты стали строить лишь в XX веке, но и тогда сплошь и ря-

¹ МОГА, фонд Чермозского железоделательного завода Лазарева — ф. 75, д. 1, л. 10.

² В. Ф. Тиунов, Промышленное развитие Западного Урала, Молотов, 1954 г., стр. 90.

³ Иванов, Описание Луньевских копей и заводов, Пермь, 1882 г., стр. 46.

дом встречались шахты, производительность которых не превышала 10 тысяч пудов в год (в 1914 году столько угля дала Половинковская копь).

В бассейне почти не производилось разведывательных работ. На шахтах было ничтожное количество техники. Уголь добывали вручную, на мягких породах работали обушком, на твердых применяли клинья и динамит, причем бурлили шпуров исключительно вручную. Откачивание воды из шахт часто производилось самым примитивным способом. «Вода наливается в бочку черпаком и везется лошадей по рельсам до цепного пути. Здесь бочку прицепляют и доставляют до шахты. Бочки велики и не проходят в шахту, поэтому воду переливают в меньшую бочку и поднимают ее в клет, движущейся от шкива на телеге»¹, — пишет очевидец о шахте девятых годов. Единственными механизмами на шахтах были паровые подъемные, реже водоотливные машины, часто очень маломощные и к тому же применявшиеся далеко не на всех копях. В 1900 году на 36 действующих шахт бассейна приходилось всего лишь 16 паровых машин средней мощностью по 19 лошадиных сил.

Лишь перед самой мировой войной были введены некоторые технические усовершенствования и появилась кое-какая горная техника иностранных марок на более крупных лазаревских копях.

В 1912 году на Княжеской копи была построена первая в бассейне электростанция с двумя генераторами, общей мощностью 820 киловатт — меньше, чем теперь потребляет одна крупная шахта; в том же 1912 году на лазаревских шахтах появилось несколько легких врубовых машин, сначала типа «Радиолакс», работавших на сжатом воздухе, а затем и электрических. Немногом ранее стали применяться ручные перфораторы и буровые молотки марки «Джек». Была электрифицирована незначительная часть откатки: в шахтах появилось несколько маломощных электровозов².

Но вся эта техника применялась лишь на нескольких шахтах и в очень небольшом масштабе, на остальных же

¹ К. Латохин и С. Пуцилло, Уральская кочегарка, г. Молотов, 1949 г., стр. 19.

² В. К. Потопкий, Южная группа каменноугольных копей Кизеловского округа Пермского имения кн. Абамелек-Лазарева, «Горный журнал», 1915 г., т. IV, стр. 1.

в это время господствовали ручная добыча и конная откатка угля.

Естественно, что производительность труда на шахтах была очень низкой. Так, например, в 80—90 годах на Луньевских копях, в то время технически более оснащенных, забойщик добывал за 13—14-часовую смену в среднем 79,45 пуда угля, а в целом по копям на каждый человеко-день, затраченный рабочими, или, как тогда говорили, «на поденщину», приходилось всего лишь по 32,15 пуда угля, то есть немногим более полтонны¹.

В 1900 году на шахтах насчитывалось, по данным официальной статистики, 2950 рабочих², а в 1907 году уже 5345 человек³. Шахтовладельцы, не имея под руками рабочей силы, начинают «подрывать» рабочих на стороне, в Центральной России и Поволжье. Например, на Луньевских копях работали рабочие, завербованные в Нижегородской, Вологодской, Вятской и других губерниях. Лазарев широко практиковал «подряды» на работу татар из Казанской и Вятской губерний, используя их как очень дешевую рабочую силу; вместе с тем он пытался отвлекать рабочих от революционной борьбы, разжигая антагонизм между татарскими и русскими рабочими.

Так как «подряды» не обеспечивали создания устойчивых рабочих кадров, хозяева старались закрепить за собой рабочих, которым предоставлялись «бесплатно» лес и земля для постройки, выдавались ссуды и т. п. Условия ссуды были кабальными. Шахтер не только не имел возможности вернуть ссуду, но все больше и больше влезал в долги к хозяину и оказывался накрепко привязанным к хозяйской шахте. Но процент сезонников на шахтах Западного Урала того времени был значительным.

Условия труда в кизеловских шахтах были поистине ужасны. Рабочий день длился 12—14 часов. Техника безопасности полностью отсутствовала. Из-за плохого крепления на шахтах нередко случались обвалы с человеческими жертвами. Тесные, узкие забои и штреки освеща-

¹ Иванов, указанная работа, стр. 48.

² Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г., стр. 409—410.

³ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1907 г., стр. 440.

лись исключительно копилками или свечами, что было небезопасно, так как в плохо вентилируемых шахтах скапливался рудничный газ, часто происходили пожары и взрывы. Например, во время пожара на Княжеской копи в 1904 году погибло 14 рабочих. Вообще несчастные случаи на угольных шахтах происходили очень часто.

По явно преуменьшенным данным официальной статистики, за 1900—1902 годы было искалечено почти 4 процента всех шахтеров и около 1 процента было убито или навсегда потеряло трудоспособность.

Большинство этих несчастных случаев горная инспекция объявляла как происшедшие «по вине самих рабочих», «по неосторожности», «ввиду опасности самого производства» и т. п. Так, в одном из отчетов 58,7 процента несчастных случаев было отнесено к категории происшедших «по вине самих рабочих» и лишь 1,2 процента — к разряду происшедших «по вине хозяев и рабочих». Администрация и хозяева предприятий, как правило, виновными не считались и никакой ответственности не несли.

Вот что рассказывают старые шахтеры о работе на угольных коях дореволюционного Кизела: «Работая от воскресенья до воскресенья по 12—14 часов в сутки, не видели мы и дневного света. Копались, обычно, в забое по шесть забойщиков вместе. Мы сами заготавливали крепёжный лес и доставляли его на себе в шахту. Имел при себе забойщик кайло, топор, балду, ручной бур, ручной молоток, крюк для таски крепёжного леса и салазки. Кроме этого, фунт свечей для освещения и запасные лапти. Свечи и инструменты выдавались за деньги. Спец-одежды никакой не выдавали, каждый одевался во что мог»¹.

Заработная плата, вообще низкая на Урале по сравнению с другими районами страны, была особенно низка в угольной промышленности, так как хозяева, располагая контингентом рабочих сравнительно низкой квалификации, крепко привязанных к месту, и дешевыми рабочими руками сезонников, могли заставить их работать за более низкую плату. Например, в восьмидесятых годах на Луньевских шахтах горняки часто получали за «поденщину» всего 45 копеек, в то время как рабочие-доменщики Чермозского завода получали за «поденщину» не менее 63 ко-

¹ В. Д. Меньшакова, указанная работа, стр. 37.

пеек¹. В последующие годы оплата труда шахтеров несколько повысилась, но это сопровождалось ростом цен на продукты питания и предметы первой необходимости, причем и тогда заработок шахтера редко превышал 1 рубль за смену.

Значительная часть заработной платы вычиталась в виде штрафов, которые налагались администрацией по всякому пустяковому поводу. Рабочие постоянно подвергались издевательствам со стороны штейгеров, мастеров, полицейских урядников. Чтобы избежать штрафов и притеснений со стороны начальства, рабочие были вынуждены давать им взятки. Один старый горняк вспоминает: «В каждую получку обязательно надо было купить бутылку водки штейгеру. Не угоди ему — не отделаешься от штрафов»². Не лучше были и бытовые условия шахтеров. Большая часть рабочих жила в бараках при шахтах. Бараки были тесными и грязными. Люди размещались в них на трехъярусных нарах, одинокие и семейные вместе. Кроме нар и железных печек, в казармах, как правило, ничего больше не было; некоторые из казарм совершенно не имели окон. «Едкий запах пряного пота, дым от махорки, копоть керосиновых ламп, гарь от раскаленных железных печек, пар и запах от просушиваемой одежды, недостаток воздуха от тесноты в бараках создают невыносимую атмосферу»³, — пишет очевидец о рабочем бараке того времени.

На шахтах не было даже бань, не говоря уже о больницах, школах и клубах, зато было много кабаков, церквей и мечетей. Сам центр бассейна — Кизел — до революции имел больницу с одним врачом, прогимназию, открытую перед первой мировой войной, и две начальных школы.

Жестокая эксплуатация и тяжелые бытовые условия шахтеров способствовали раннему возникновению и быстрому росту революционного движения в этом бассейне. После реформы 1861 года по всем горным заводам Урала прокатились волнения «временнообязанных» мастеровых и крестьян, недовольных результатами реформы. В них

¹ МОГА, ф. 280, оп. 2, д. 18, л. 2.

² В. Д. Меньшакова, указанная работа, стр. 38.

³ Рукопись Весновского, Формы рабочего движения на Урале. Цитируется по книге Ф. Г. Мельникова «Западный Урал в революцию 1905—1907 гг.», Молотовгиз, 1946., стр. 19.

приняли участие рабочие Кизеловского завода, горняки кизеловских шахт и рудников.

В июне 1861 года крестьяне Всеволожских, работавшие на рудниках и коях, несколько дней не выходили на работу, требуя повышения заработной платы. К ним присоединились мастеровые. Когда требования не были удовлетворены администрацией, «крестьяне конные и пешие с 15 по 16 число июня из рудника отправились и остались только до 20 человек...»¹ Дело разбирала специальная комиссия. 68 крестьян и 7 мастеровых были присуждены к тюремному заключению².

В апреле-мае 1862 года в Кизеле снова происходят волнения, связанные на этот раз с введением так называемых «уставных грамот», в которые записывались размеры земельных наделов и установленных за них повинностей. Администрация не торопилась довести содержание этих грамот до народа, и у мастеровых возникли подозрения, что уставная грамота утверждена без их согласия. Толпы рабочих пришли в волостное правление. Рабочие искали грамоту, созвали сход, на котором переизбрали все волостное начальство, выдвинув в старшины «первых возмутителей общества»³. Кроме того, мастеровые требовали повышения заработной платы. Приехавшему приставу рабочие заявили, что, «так как они отправляют заводские работы помещику на прежнем положении, то и не считают себя обязанными нести земские повинности и содержать должностных лиц, уставную грамоту не считают введенною, так как она ими не подписана...»⁴ Среди руководителей этого выступления рабочих были мастеровые Шляпин, Корешков, Русинов и другие.

Рост рабочего движения на Урале в последующее время, особенно перед началом и во время кризиса 1900—1903 годов, создавал почву для деятельности социал-демократических организаций. В 1898 году в Перми организуется «Пермская группа борьбы за освобождение рабочего класса». В 1902—1903 годах социал-демократические организации появляются в Лысьве, Чусовом,

¹ МОГА, фонд Пермской палаты уголовного и гражданского суда — ф. 177, д. 575, л. 8.

² Ф. С. Горовой, Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века, Молотовгиз, 1951 г., стр. 85.

³ МОГА, ф. 177, д. 624, л. 579.

⁴ Там же, л. 582.

Бисере. Примерно в это же время первые социал-демократические организации появляются в Кизеле и Губахе. Во главе их стоят передовые рабочие и интеллигенты.

В 1905—1907 годах рабочий класс Урала принял активное участие в революции. Участвовали в ней и шахтеры Кизела. По предприятиям угольного бассейна прокатилась волна стачек, которыми руководили большевистские организации. Большое влияние на рабочих Кизела оказывали рабочие таких крупных революционных центров, как Мотовилиха и Лысьва. Когда с целью подавления революционных настроений на Мотовилихинском заводе был объявлен локаут, мотовилихинские рабочие появились в Кизеле и вели там революционную агитацию¹. Во Всероссийской политической стачке, проходившей осенью 1905 года, также участвовали горняки Западного Урала. Вслед за Чермозским заводом, забастовавшим 26 октября, 9 ноября начали забастовку рабочие Луньевских копей. К ним сразу же присоединились все угольные копи бассейна². Пролетариат Кизела не прекратил борьбы и в период спада и медленного отступления революции. В это время на шахтах бассейна не раз повторялись забастовки. Например, 1 и 2 мая 1907 года бастовали рабочие Рассольных, Княжеской, Княгининской и Коршуновских копей, требуя повышения заработной платы. Шахтеры лишь тогда возобновили работу, когда на копи была введена рота солдат³.

Как и вся Россия, в 1912—1914 годах Урал переживал новый революционный подъем. После Ленского расстрела в стране развернулось широкое стачечное движение. В мае 1912 года бастовали рабочие Березников и Усть-Боровой, в июне — грузчики Ленвы, в марте 1914 года забастовали рабочие Лысьвы. В стачечной борьбе участвовали шахтеры Кизела, Губахи, Луньевки, Усьвы. Этими выступлениями уральского пролетариата руководили большевистские организации.

Подводя краткий итог развитию угольной промышленности Кизеловского бассейна до Великой Октябрьской социалистической революции, нужно отметить, что после

¹ Ф. Е. Мельников, Западный Урал в революции 1905—1907 гг., стр. 82.

² Там же, стр. 88.

³ МОГА, фонд прокурора Пермского окружного суда — ф. 142, д. 463, лл. 7, 8, 28.

реформы 1861 года, в связи с быстрым развитием капиталистических отношений в стране, расширением внутреннего рынка, строительством новых промышленных предприятий, быстро увеличивается спрос на уральский каменный уголь. С 1879 года в Кизеловском бассейне резко повышается добыча угля, основными потребителями которого являлись солевая и содовая промышленность и железные дороги.

Но капиталистическая система хозяйства не в состоянии была освоить угольные богатства Западного Урала. Богатейшие месторождения хищнически эксплуатировались отдельными владельцами шахт, конкурировавшими между собой. Кизеловский уголь, представляющий ценнейшее химическое сырье, использовался исключительно в качестве топлива; на коях почти совершенно отсутствовали машины, везде применялся изнурительный ручной труд. Рабочие Кизеловских копей, нещадно эксплуатировавшиеся хозяевами, начали принимать участие в революционной борьбе.

Только социалистическая система открыла широкие возможности настоящего всестороннего освоения неисчерпаемых богатств Урала.

Н. М. Зубарев

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЩЕРУССКИХ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОКЛАМАЦИЙ
60-х ГОДОВ XIX ВЕКА НА УРАЛЕ
(Пермская губерния)**

Научный руководитель — кандидат исторических наук,
доцент А. С. Черевань

Выдающуюся роль в истории русской революции сыграли разночинцы-демократы шестидесятых годов XIX века, деятели второго, разночинского, периода революционного движения в России. Их деятельность протекала в условиях революционной ситуации 1859—1861 годов, в эпоху падения крепостного права, в эпоху нарастающего движения крестьянства, обманутого реформой 1861 года.

Революционные разночинцы выдвинули на историческую арену своих вождей — Чернышевского и Добролюбова. Вокруг журналов «Современник» и «Русское слово» сгруппировалась прогрессивная, революционно настроенная интеллигенция. Верными соратниками Чернышевского и Добролюбова были Шелгунов, Михайлов, Елисеев, братья Серно-Соловьевичи и Обручевы. Передовые люди своего времени, они понимали, что Россия не может более находиться в тисках феодально-крепостнических пережитков, требовали полного освобождения крестьян, звали Русь к топору. Разночинцы-демократы дороги нам как горячие защитники интересов обездоленного крестьянства, как борцы, прокладывавшие путь к народной революции. Объективно они явились предшественниками русской социал-демократии. Поэтому изучение наследства разночин-

цев-демократов представляет для нас огромную ценность.

Цель данной работы — осветить один из этапов революционно-демократического движения шестидесятых годов XIX века в Пермской губернии — распространение общерусских революционных прокламаций.

К 1859 году в Перми возник кружок «единомыслящих людей» под руководством учителя Пермской духовной семинарии А. И. Иконникова (впоследствии — чиновника особых поручений при губернаторе) и наставника семинарии А. Г. Воскресенского. В кружок входили секретарь Пермской духовной консистории Е. Ф. Попов, сосланный в Пермь студент Харьковского и Киевского университетов П. С. Ефименко, учитель семинарии А. Н. Моригеровский, политический ссыльный Г. А. Годлевский, несколько учащихся семинарии. К кружку примыкал местный историк-либерал, «почетный гражданин» Д. Д. Смышляев.

Под влиянием кружка Иконникова и агитационной деятельности Моригеровского в Пермской духовной семинарии в начале 1861 года создается кружок семинаристов того же направления.

В одном из писем Иконникову воспитанник семинарии Чернавин так охарактеризовал это учебное заведение:

«...Он (Иконников — Н. З.) вдохнул в него решимость и подал руку, чтобы выпрыгнуть из этой глубокой, ужасной, наполненной ядовитыми, убийственными испарениями ямы — семинарии...»¹

Тяжелая обстановка, оупляющая зубрежка и постоянная слежка вызывали протест у семинаристов. Учащиеся нередко «дерзили» начальству. В затхлую атмосферу семинарии проникали запрещенные книги и журналы.

На другую причину «вольномудства» в семинарии указывал пермский губернатор Лошкарёв в рапорте министру внутренних дел:

«...в семинарии явились учителя молодые: Иконников, Воскресенский, Моригеровский и другие, которые начали проповедовать извращенные понятия, принятые ими в наших университетах и академиях...»²

В организовавшийся семинарский кружок вошли учащиеся высшего отделения семинарии: Николай Вишневский, Михаил Хомяков, Филитер Хитров, Евгений Кыш-

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем ЦГИАЛ), ф. 1282, 1862 г., оп. 1, д. 9/64, л. 61.

² ЦГИАЛ, ф. 1282, 1861 г., оп. 2 (1381), д. 111, л. 144.

тым, учащиеся среднего отделения: Феодосий Некрасов, Иван Золотов, Аркадий Топорков, Платон Рычков и другие. Главой кружка был Аркадий Топорков.

В семинарии тайно от начальства были заведены литературные вечера, на которых читались запрещенные цензурой издания: «Голос из России», «Записки» Якушкина, «История развития революционных идей в России» А. И. Герцена. Семинаристы были знакомы с журналом Герцена «Колокол», который они получали от Иконникова, и по образцу герценовского выпускали свой нелегальный журнал «Семинарский колокол», переименованный позднее в «Семинарский звонок». Он не сохранился. Это был, вероятно, журнал с сатирическим направлением, в котором помещались эпиграммы и карикатуры на семинарское начальство и ненавистных учителей.

Кружок Иконникова имел вначале чисто просветительные цели. По инициативе Иконникова и Воскресенского в Перми 1 февраля 1859 года была открыта публичная библиотека для чтения. В каталоге библиотеки числились передовые журналы того времени и книги по естествознанию. По инициативе кружка были созданы воскресные школы — две мужские и две женские. Кружок провел ряд литературно-музыкальных вечеров с целью пропаганды литературы и музыки. Средства от этих вечеров шли на покупку книг, на оказание материальной помощи нуждающимся студентам-пермякам¹, в пользу воскресных школ.

Кружок Иконникова усиленно пропагандировал передовые взгляды своего времени. Не случайно неизвестные лица в письмах в III отделение называют кружок Иконникова «обществом вольнодумцев», а его квартиру — «центром вольнодумских совещаний». Сообщалось, что Воскресенский на одном из вечеров читал статью «Бог нехстати».

На основании сохранившихся документов мы можем установить, откуда проникла в Пермь запрещенная литература. В одном из следственных документов сообщается, что сосланный студент Харьковского и Киевского университетов Н. С. Ефименко «...привез ультра-революционные сочинения, направленные против царя, дотоле в Перми неизвестные...»²

¹ Подробнее см. в работе Ф. С. Горового «Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века», Молотовгиз, 1952 г.

² ЦГИАЛ, ф. 1282, 1861 г., оп. 2 (1381), д. 111, л. 144.

Какие это были сочинения, установить не удалось. Кроме того, доставали запрещенную литературу через местного историка-либерала Д. Д. Смышляева, который получал ее «...частью из-за границы, частью из Петербурга и Москвы...»¹ В другом документе также сообщается «...о запрещенных сочинениях, присланных в Пермскую губернию из книжного магазина Лоскутова в Москве...»²

Иконников мог получать запрещенные сочинения и от московских студентов.

Самым вероятным источником получения литературы была Казань. Кружок Иконникова на протяжении всей своей деятельности сохранял тесную связь с революционными кружками Казани. Именно в Казань уезжало учиться большинство пермской молодежи. В Казанском университете студенты-пермяки принимали активное участие в студенческих волнениях. Князь Долгоруков в докладной записке министру внутренних дел от 28 февраля 1862 года писал, что «...кружок людей неблагонамеренных образовался в Казани из лиц, прибывших туда из Перми, и находится в связи с членами подобного Пермского кружка»³.

Из Казани кружок Иконникова получал лекции и речи историка-демократа Щапова. Подлинный текст речи Щапова «Друзья, за народ убитые», произнесенной им на «панихиде по убиенным в Бездне», был найден случайно в январе 1862 года при обыске квартиры учащихся Пермской духовной семинарии⁴.

Из Казани кружок Иконникова получал для распространения и общерусские революционные прокламации шестидесятых годов.

Пока не обнаружено документов, устанавливающих связь кружка Иконникова с Петербургом. Но в одном из писем в Петербург студенту-пермяку Чернавину Иконников спрашивает о существовании в Петербургском университете кружка, подобного кружку в Перми. Можно предположить, что Иконников хотел установить связь с петербургскими революционными кружками.

В конце 1860 года Пермскому кружку был нанесен

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1861 г., оп. 2 (1381), д. III, л. 225.

² Там же, л. 22.

³ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1861 г., оп. 2 (1381), д. III, л. 147.

⁴ См. Г. Вульфсон и Е. Тушканец — Революционные демократы и общественное движение в Казанском университете в период революционной ситуации (1859—1861 гг.), Татгосиздат, Казань, 1952 г.

первый удар: была раскрыта деятельность кружка семинаристов.

«...Тогда стали исключать вредных учителей и зараженных учеников...»¹ сообщалось в донесении пермского губернатора.

В конце 1860 года из семинарии были исключены Хомяков, Вишневский, Некрасов, Парышев, Алексеев. В начале 1861 года — Кыштым, Хитров, Псаломщиков, Борков, Тихомиров, Рычков Топорков². По рекомендации Иконникова часть из них поступила в Казанский университет, где они проявили себя как активные участники студенческих волнений.

Резкий перелом в деятельности Пермского кружка наступил в 1861 году. Царское правительство готовило крестьянскую реформу. Чернышевский, предвидевший половинчатый характер реформы, призывал добиваться полной свободы, наделения крестьян землей. В стране чувствовался революционный подъем, грозивший перерасти в революцию. В таких условиях деятельность Пермского кружка принимает революционно-демократический характер. Кружок выпускает несколько местных прокламаций, распространяет их и прокламацию Шелгунова и Михайлова — «К молодому поколению», пытается изготовить литографский станок для напечатания статьи-прокламации Огарева «Что нужно народу».

В июле 1861 года в Лондоне Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым была напечатана прокламация «К молодому поколению», 600 экземпляров которой Шелгунову удалось перевезти в Россию. Прокламация была широко распространена по всей стране. Эпиграфом к прокламации служили строки из стихотворения К. Ф. Рылеева «Гражданин»:

«Я ль буду в роковое время
позорить гражданина сан!»

Эпиграф раскрывал революционное содержание прокламации, звучал призывом к молодежи. Зовя всех друзей свободы объединиться в кружки, пропагандировать революционные идеи среди крестьянства и армии, прокламация выдвигает требование республики, равноправия всех перед законом, уничтожения цензуры и телесных наказаний. Аграрный вопрос ее авторы предлагают решить

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1861 г., оп. 2 (1381), д. III, л. 145.

² Там же, л. 45.

мирным путем, выкупив частную земельную собственность за счет казны или всех сословий страны. Если же такой путь окажется невозможным, то «...мы зовем революцию на помощь народу...»¹

В воззвании говорится о необходимости преобразовать армию в народное ополчение — «губернские дружины», сократить срок службы до 3—5 лет, выдвигается требование полной амнистии для заключенных по политическим делам. Главной организующей силой будущей революции авторы прокламации считают «народную партию», которая должна состоять из разночинной молодежи и опираться на крестьянство и войско, то есть на то же крестьянство, переодетое в солдатские шинели.

Все требования прокламации сопровождаются резкой критикой существовавших в России политических и экономических отношений, правительственных учреждений, дворянства. Анализируя прокламацию Шелгунова и Михайлова, нетрудно заметить, что она написана под сильным влиянием А. И. Герцена. Через все воззвание проходит вера в особые пути развития России, вера в спасительную роль крестьянской общины как зародыша социализма. Роль пролетариата в революции сводится на нет. Более того: «Мы не хотим ее (Европы — Н. З.) пролетариата»², — заключают авторы прокламации.

Общинное землевладение и отсутствие пролетариата, по мнению авторов прокламации, — те преимущества, которые исключают возможность повторения неудачи 1848 года на русской почве.

Отсталость России считается, таким образом, спасительным моментом. «... Вот отчего у нас нет страха перед будущим: мы смело идем навстречу революции...»³

Тем не менее, революционное значение прокламации было велико. Отмеченная радикализмом, она произвела большое впечатление в среде разночинной молодежи, к которой была обращена. Прокламация явилась программой буржуазно-демократического преобразования страны и была, видимо, частью большого агитационного плана, задуманного революционным центром.

¹ Текст прокламации цитируется по книге Б. Барриве «Общественное движение в царствование Александра II», 1911, стр. 37.

² Текст прокламации цитируется по книге Б. Барриве «Общественное движение в царствование Александра II», 1911 г., стр. 36.

³ Там же, стр. 37.

В Пермь воззвание «К молодому поколению» попало в конце 1861 года, переписанным от руки, через студента Казанского университета Николая Вишневого. Оно произвело сильное впечатление на пермскую демократическую молодежь. Как показывал на следствии Илья Пономарев, «...слух о сочинении «К поколению молодому» в то время был чуть ли не самым главным слухом в городе...»¹

Пермский революционный кружок присоединился к прокламации и решил распространить ее в губернии. Представился удобный случай: зимой семинаристы уезжали на рождественские каникулы. Часть из них приняла поручение — распространить прокламацию в уездах.

Получив от Николая Вишневого текст прокламации, семинарист Илья Пономарев переписал ее, «...как отличающуюся новым направлением...»², и стал распространять на Чермозском заводе Соликамского уезда.

Пропагандируя воззвание среди заводской интеллигенции и учителей, Пономарев звал их объединиться для общего дела в революционные кружки. О том, как протекала его пропагандистская деятельность, мы можем судить по сохранившимся документам.

Учитель Кетов дал 9 января 1862 года следующее показание:

«4 января (1862 года — Н. З.) был у него в доме ученик Пермской духовной семинарии Илья Пономарев и безо всякого повода со стороны его, Кетова, пустился в разглагольствование о государственных учреждениях в России, о сословных привилегиях и бедственном положении крестьян и в своих словах высказал необходимость уничтожить разом весь существующий порядок дел, взамен того учредить демократизм, а потом ввести в государстве коммунизм. Этот разговор велся им с особенной энергией и настойчивостью...»³

В Чермозе Илья Пономарев давал прокламацию Шелгунова и Михайлова семинаристу Александру Кузовникову, который «...показывал ее топографу Паламожных...»⁴ Но распространять прокламацию Кузовников отказался.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1862 г., оп. 1, д. 9 (64), л. 37.

² Там же, л. 22.

³ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1862 г., оп. 1, д. 9 (64), лл. 14—15.

⁴ Там же, л. 24.

Политически неопытный, не соблюдавший правил конспирации, Пономарев не сумел выполнить порученное ему задание. Его деятельность раскрыли. 7 января 1862 года мировой посредник Квашнин доносил губернатору, что «Илья Пономарев распространяет в народе вредные толки и приглашает секретно к возмущению и восстанию против правительства, уверяя, что будет оказана в этом помощь польской нацией и войском...»¹

В своем доносе Квашнин упоминает Иконникова, который, будто бы, получая издания Искандера (Герцена), «...не хранит их дома, а дает некоторым воспитанникам семинарии хранить их и списывать»².

Квашнин арестовал Пономарева, произвел в его квартире обыск и под охраной отправил в Пермь.

На Чермозском заводе вел пропагандистскую деятельность и другой семинарист — Иван Коровин. «Коровин, вместе с Пономаревым, доказывал отцу благочинному Братчикову, что республиканское правление лучше монархического, приводя в пример северо-американские учреждения»³.

27 декабря 1861 года Коровин, будучи в гостях, читал под видом письма из Перми прокламацию «К молодому поколению».

Второе чтение прокламации на квартире церковного старосты Выголова оказалось последним. Коровин был арестован и отправлен в Пермь.

В Нытве революционные прокламации распространяли семинаристы Михаил Констанский и Александр Богомолов. Они получили задание — распространить речь Щапова «Друзья, за народ убитые» и местную прокламацию «Пора». Попытки распространить их в Нытве также закончились неудачей. После первого же чтения Констанский и Богомолов были арестованы.

Для расследования дела «О распространении рукописей возмутительного содержания» в Перми по приказу губернатора была создана особая комиссия. Семинаристы, запутывая следствие, давали ложные показания. Аркадий Топорков, например, говорил, что «...в настоящее время жертвовать собою всецело можно только за истин-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1862 г., оп. 1, д. 9 (64), л. 12.

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1862 г., оп. 1, д. 9 (64), л. 20.

ное, согласное со здравым смыслом, а отнюдь не за такое нелепое сочинение...»¹

Илья Пономарев, Михаил Констанский, Николай Вишневский, Василий Тихомиров были обвинены в распространении «возмутительных воззваний и вредных сочинений», Иконников же — в том, что он «...способствовал распространению возмутительных вредных сочинений и сам участвовал в составлении сочинений»².

Вскоре царской охранкой было раскрыто новое дело.

В ноябре 1861 года в Перми появилась статья-прокламация Огарева «Что нужно народу», являвшаяся программой тайного общества шестидесятых годов «Земля и Воля». Прокламация обсуждалась в кружке пермских революционных демократов. Кружок считал нужным напечатать ее и распространить. Печатный станок поручили изготовить Феодосию Некрасову и поручику Георгию Михелю. Они связались с рядовым Пермского батальона внутренней стражи Семеном Кулышевым. Кулышев согласился сделать станок, но, узнав о его назначении, донес властям»³.

Началось новое следствие, и в середине августа 1862 года Пермский революционно-демократический кружок был разгромлен, а члены его сосланы в различные губернии России.

Прокламация Огарева «Что нужно народу» не была распространена в Пермской губернии. Но факт присоединения Пермского революционно-демократического кружка к прокламации Огарева — программе тайного революционного общества «Земля и Воля» — говорит о том, что кружок стал к тому времени филиалом этого общества.

Любопытно, что статью Огарева кружок решил напечатать тиражом 5000 экземпляров и то — «на первый случай»! Вероятно, кружок предполагал печатать ее для распространения не только в Пермской, но и в других губерниях России.

Несмотря на разгром организационного центра — Пермского кружка, революционно-демократическая деятельность в губернии продолжалась. В городах находились сосланные члены кружка. Не сохранилось почти

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1861—1899 гг., оп. 2 (1381), д. 111, л. 56.

² Там же, л. 202.

³ Подробно см. в указ. работе Ф. С. Горового.

никаких документов о их деятельности, но можно утверждать, что они продолжали пропагандистскую работу.

Революционные выступления в губернии после разгрома Пермского кружка были связаны с деятельностью революционных кружков Казани и Нижнего Новгорода. Нам известно несколько случаев распространения в Пермской губернии революционных воззваний, выпущенных кружками Казани и написанных под сильным влиянием прокламаций Чернышевского, Шелгунова и Михайлова.

В апреле 1863 года сосланный в Оханск Илья Пономарев пытался распространить прокламацию, полученную от участника Казанского революционного кружка Ивана Орлова. Орлов, по поручению кружка, должен был объехать Казанскую, Вятскую, Пермскую губернии и распространить революционные воззвания. В апреле 1863 года он, располагая явочным адресом, приехал в Оханск к Пономареву и вручил ему 10 экземпляров прокламаций. 30 экземпляров Орлов отвез в Пермь. Судьба их неизвестна. Текст не сохранился. Некоторые сведения о ее содержании мы находим в докладе министра внутренних дел начальнику III отделения от 14 апреля 1863 года. По словам министра, это была прокламация, «...возмущающая народ против царя подняться разом, чтобы земля была его и управление выборное, и что 500 тысяч солдат против 50 миллионов ничего не сделают...»¹

Ф. С. Горовой считает, что это была прокламация без названия, начинающаяся словами: «Долго давили нас, братцы»².

Накануне базарного дня, 8 апреля, воззвания были разбросаны Пономаревым перед присутственными местами. На одном из листов Пономарев написал: «Цель близка», на других — «Прошу поделиться, с кем найдете нужным»³. Утром 8 апреля прокламации поднял оханский городничий Одинцов. Сразу же последовал рапорт пермскому губернатору, а затем записка губернатора городским и земским полициям. Губернатор приказывал: «...для предупреждения подобной выходки в прочих местах губернии, прошу вас секретно бдительно следить, чтобы подобные

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1863 г., оп. 1, д. 155, л. 6.

² См. указ. работу Ф. С. Горового, стр. 89—90.

³ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1863 г., оп. 1, д. 155, л. 12.

листки не были разбрасываемы, особенно в заводах, читаемы и т. д.»¹

Подозрение Одинцова пало на находящегося под надзором Пономарева. Напоив Пономарева и прикинувшись его «единомышленником», городничий выведаль, откуда появилась прокламация и кто ее распространил. Пономарев был предан суду. Одновременно в Казанской губернии был арестован Иван Орлов. В ходе следствия было выяснено, что Казанский революционный кружок распространял прокламации в Пермской и Вятской губерниях. Пономарева отправили в Вятку, судили по делу «Казанского заговора» и приговорили к ссылке в каторжные работы.

В 1863 году было еще несколько случаев распространения прокламаций. Это связано с именем Платона Некрасова², брата Феодосия Некрасова, который был арестован «за распространение возмутительных воззваний». Распространяемые воззвания были часто небольшими записками-прокламациями. В. Козьмин приводит содержание одной из таких записок, озаглавленной: «Воззвание к крестьянам, передаваемое дьяконом Капустиным». Вот ее содержание: «Россияне! Что с вами делается и с вашими любезными кровными! Вас бьют, рубят, секут — и из-за чего? Из-за того, что вы расположились быть верными подлецу, так, вообще называемому, дураку, по фамилии Романову!»³

Доходили ли эти записки-прокламации до народа — неизвестно. Но их агитационная роль не вызывает сомнения.

Фактов широкого распространения «возмутительных воззваний» в последующие годы не установлено.

Распространение революционных прокламаций в первой половине 1863 года было заключительным этапом подъема революционно-демократического движения в Пермской губернии. Это объясняется спадом общерусского революционно-демократического движения, окончанием революционной ситуации, репрессиями со стороны царизма и разгромом революционных организаций в Перми и Казани.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1863 г., оп. 1, д. 155, л. 10.

² По некоторым сведениям, Платон Некрасов — агент Центрального революционного комитета.

³ В. Козьмин, Казанский заговор 1863 г., М., 1929, стр. 101.

«Революционно-демократические выступления в Пермской губернии осуществлялись... на основе программных документов революционно-демократического лагеря всей страны. Общим для программ прокламаций было требование буржуазно-демократической страны»¹.

Ф. С. Горовой считает, что 1861—1862 годы — «наиболее активный прокламационный период деятельности пермских революционно-демократических кругов...»².

Следует уточнить этот период, ограничив его с начала 1861 года, с момента распространения в губернии местной прокламации «Послание старца Кондратия»³, по февраль 1862 года, когда деятельность Пермского кружка была раскрыта. Это — первый, наиболее активный, плодотворный период распространения революционных общерусских и местных прокламаций, выпущенных Пермским кружком.

Второй период — первая половина 1863 года — менее активный. Если в первый период распространением прокламаций руководил единый революционный центр во главе с Иконниковым, то во второй, по существу, не было руководства; прокламации эпизодически распространялись членами Казанского кружка.

Распространение их в Пермской губернии в шестидесятых годах XIX века было неудачным. Семинаристы, занимавшиеся этим, не понимали всей сложности революционной работы, не обладали достаточной подготовкой, не соблюдали правил конспирации. Именно последнее обстоятельство сказалось на распространении воззвания Шелгунова и Михайлова «К молодому поколению». Некоторые семинаристы не верили в свои силы и, столкнувшись с трудностями, начинали сомневаться в возможности победы. Вот отрывок из письма Александра Богомолова Илье Пономареву:

«...Что твое «Молодое поколение», нашло ли оно какое-нибудь сочувствие в чермосянах, как приняли его и насколько поняли, в чем дело?»

А вот «Пора» (прокламация, которую Богомолов распространял в Нытве — Н. З.), сказываю тебе, не нашла ни малейшего сочувствия в нытвенцах... и вызвала проклятия на семинариста, взявшего на себя обязанность

¹ Ф. С. Горовой, указ. работа, стр. 97—98.

² Там же, стр. 97.

³ Там же.

быть распространителем известной статьи между теми, которые в понятиях стоят его гораздо выше и понимают, следовательно, дело лучше его...»¹

Грубейшие ошибки совершало руководство Пермского революционно-демократического кружка. Иконников слишком доверял семинаристам, «...в уверенности, что через них разойдется нужное...»²

Решив распространить в печатном виде прокламацию Огарева «Что нужно народу», кружковцы обратились к непроверенному лицу. Что погубило все дело. Верный царю служака солдат Кулышев предал доверчивых людей, и прокламация Огарева не была распространена.

Но несмотря на ряд провалов и неудач, деятельность революционных демократов в Пермской губернии имела значение. Она сближала революционно настроенную интеллигенцию с крестьянством. Революционеры-демократы, «молодые штурманы будущей бури», по определению А. И. Герцена, способствовали революционизированию народных масс. Распространяемые ими революционные прокламации были теми зернами, которые впоследствии дали богатые всходы.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1862 г., оп. 1, д. 9 (64), л. 14.

² Там же, л. 18.

Ю. И. Кочетов

ВЫБОРЫ ВО II и III ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Научный руководитель — кандидат исторических наук,
П. И. Хитров

Большевистская тактика бойкота I Государственной думы была единственно правильной тактикой в обстановке революционных выступлений рабочего класса и крестьянства.

В основных промышленных центрах России бойкот прошел успешно. Однако в ряде районов страны, в том числе и в Пермской губернии, лозунг бойкота Государственной думы не был полностью осуществлен. Рабочие 34 промышленных предприятий губернии, в большинстве своем самых крупных, бойкотировали выборы, но на остальных 245 предприятиях выборы все же состоялись. Сказались малый опыт революционной борьбы и жестокие репрессии царизма после декабрьских дней 1905 года, лишившие рабочих большевистского руководства, сказалось влияние меньшевиков и эсеров. Несмотря на это, общее недовольство политикой самодержавия привело здесь к полному провалу правых партий и поражению кадетской, получившей уже на первых выборах ничтожное количество мест. Эта заслуга по праву принадлежит большевикам, которые проводили последовательную ленинскую тактику активного бойкота выборов и разоблачали перед народом все либерально-монархические партии.

После подавления декабрьского вооруженного восста-

ния революционное движение в России не прекращалось. По всей стране в 1906 году участвовало в стачках свыше 1 миллиона рабочих. Огромный размах приняло крестьянское движение, продолжались восстания в армии и флоте. Но уже в первой половине 1906 года русское революционное движение находилось на уровне более низком, чем в октябре-декабре 1905 года. Революция пошла на убыль, и большевистская партия была вынуждена в связи с новой обстановкой пересмотреть свою тактику, в частности свою тактику в отношении Государственной думы.

Этот вопрос обсуждался в ноябре 1906 года на II социал-демократической конференции в Таммерфорсе.

В. И. Ленин еще до конференции и на конференции решительно высказывался за отказ от бойкота и активное участие в выборах II Государственной думы. В. И. Ленин указывал, что тактика бойкота булыгинской думы была правильной и дала свои результаты. Булыгинская дума была сметена революционным подъемом масс, так как ее бойкот проводился в условиях революционного подъема.

Бойкот I Государственной думы проходил после поражения декабрьского вооруженного восстания, когда революционное движение, как оказалось впоследствии, шло на убыль. Поэтому бойкот не смог сорвать Думу, хотя значительно подорвал авторитет этой Думы и ослабил веру в нее части населения. Бойкот I Думы не был ошибкой.

Однако ход событий показал, что в изменившейся обстановке целесообразно отказаться от бойкота. «История беспощадно опровергла все конституционные иллюзии и всю «веру в Думу», но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения инстинктивного «нутра» политических партий и т. д.... Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или: «если») она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе — посредством стачки, восстания и т. п.»¹

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, том 11, стр. 122.